

Сказки братьев Гримм. Два брата

Некогда жили-были два брата – бедный и богатый. Богатый был золотых дел мастер и злой-презлой; бедный только тем и питался, что метлы вязал, но при этом был и добр, и честен.

У бедняка было двое деток – близнецы, похожие друг на друга, что две капли воды. Эти мальчики частенько прихаживали в дом к богатому, и иногда перепадало им в пищу кое-что из того, что там выбрасывалось.

Вот и случилось однажды, что бедняк пошел в лес за хворостом и вдруг увидел птицу, совсем золотую да такую красивую, какой ему еще отродясь не приходилось видеть. Поднял он камешек и швырнул в ту птицу, и попал в нее очень удачно: упало от птицы на землю одно золотое перышко, а сама птица улетела.

Поднял бедняк то перышко, принес его к своему брату, и тот, посмотрев на перо, сказал: «Это чистое золото», – и дал ему за перо хорошие деньги.

На другое утро полез было бедняк на березу, чтобы срубить с нее пару веток; и та же самая птица слетела с той березы, а когда бедняк стал кругом озираться, то нашел на дереве и гнездо ее, а в том гнезде яйцо, совсем золотое.

Он захватил яйцо домой и принес его к своему брату; тот опять то же сказал: «Это чистое золото», – и заплатил ему за яйцо на

вес золота. А потом и добавил: «Недурно бы добыть и самую эту птицу».

Бедняк и в третий раз пошел в лес и опять увидел золотую птицу на ветке одного дерева, сбил ее с ветки камнем и принес к брату, который ему за это дал целую кучу денег. «Ну, теперь я, пожалуй, могу и разжиться!» – сказал бедняк и вернулся домой очень довольный.

Богатый брат был умен и хитер и знал очень хорошо, что это была за птица. Он призвал к себе жену и сказал: «Изжарь мне эту золотую птицу и позаботься о том, чтобы ничто из нее не пропало! Меня забирает охота съесть ее всю целиком».

А птица-то была не простая и такой диковинной породы, что кому удавалось съесть ее сердце и печень, тот каждое утро находил у себя под изголовьем по золотому. Жена изготовила птицу как следует, воткнула на вертел и стала ее жарить.

Вот и случилось, что в то время, как птица была на огне, а жена богатого брата должна была на минуту отлучиться из кухни ради других работ, в кухню вбежали дети бедняка, стали около вертела и раза два его повернули.

И когда из нутра птицы вывалились два каких-то кусочка и упали на противень, один из мальчиков сказал: «Съедем эти два кусочка, я же так голоден, да притом никто этого не заметит».

И съели вдвоем эти оба кусочка; а тут и жена богача вернулась, увидела, что они что-то едят, и спросила: «Что вы сейчас ели?» – «Съели два кусочка, – которые из нутра у птицы выпали», – отвечали мальчики. «Это были сердце и печень!» – в испуге воскликнула она, и для того, чтобы муж ее не заметил этой убыли и на нее не прогневался, она заколола скорее петушка, вынула из него сердце и печень и подложила к золотой птице. Когда птица изжарилась, она подала ее своему мужу на стол, и тот ее съел всю целиком, без всякого, остатка. Когда же на другое утро он сунул руку под изголовье, думая из-под него вытащить золотой, там никакого золотого не оказалось.

А оба мальчика и постигнуть не могли, откуда им такое счастье выпало на долю: на другое утро, когда они стали вставать, что-то тяжелое упало на землю и зазвенело, и когда они подняли упавшее из-под их изголовья, то увидели, что это были два

золотых. Они принесли их отцу, который был очень удивлен и спросил их: «Как это могло случиться?»

Когда же они на следующее утро опять нашли два золотых и то же самое стало повторяться каждое утро, тогда отец пошел к брату своему и рассказал ему о диковинном происшествии.

Богатый брат тотчас сообразил, как это могло произойти, и понял, что мальчики съели сердце и печень от золотой птицы. И вот, чтобы отомстить им за это, и просто потому, что он был завистлив и жестокосерден, он сказал своему брату: «Твои дети с нечистым знаются; берегись же, не бери этого золота, и их самих ни часу не держи в своем доме, потому что уж нечистый имеет над ними власть и самого тебя тоже в руки заберет».

Так как отец боялся нечистого, то, хотя и скрепя сердце, однако же вывел близнецов в лес и с великой грустью покинул их там на произвол судьбы.

Вот и стали оба мальчика бегать кругом по лесу и искать дороги домой, но найти не могли и все более и более путались.

Наконец повстречали они охотника, который спросил их: «Чьи вы дети?» – «Мы дети бедного метельщика», – и рассказали ему, как отец не захотел их держать дома только потому, что они находили каждое утро по золотому под своим изголовьем. «Ну, тут я еще ничего дурного не вижу, – сказал охотник, – если только вы при этом останетесь честными и не станете лениться».

Так как мальчики этому доброму человеку понравились да притом у него своих детей не было, то он принял их к себе в дом и сказал: «Я заменю вам отца и воспитаю вас до возраста».

Стали они у него обучаться его промыслу, а те золотые, которые каждый из них находил при вставании под изголовьем, он стал собирать и приберегать для них на будущее.

Когда они выросли большие, воспитатель взял их с собою в лес и сказал: «Сегодня вы должны показать, выучились ли вы стрелять, чтобы я мог принять вас в охотники».

Пришли они с ним на звериный лаз и долго бродили, и все никакая дичь не появлялась. Глянул охотник вверх и увидел в вышине стаю белоснежных гусей, которая летела, как и всегда, треугольником. «А ну-ка, – сказал он одному из мальчиков, – подстрели мне с каждого угла по одному гусю». Тот поступил по

приказу, и это было для него пробным выстрелом.

Вскоре после того налетела еще стая и летела она в виде цифры 2; тогда приказал охотник другому брату также подстрелить с обоих концов станицы по одной птице, и тому тоже удался его пробный выстрел.

«Ну, – сказал обоим братьям их воспитатель, – теперь я вас принимаю в охотники, так как вижу, что вы оба опытные стрелки».

Затем оба брата ушли вместе в лес, посоветовались между собою и о чем-то условились.

И когда они вечером сели за ужин, то сказали своему воспитателю: «Мы не прикоснемся к кушанью и не проглотим ни глотка, пока вы не исполните нашу просьбу». – «А в чем же ваша просьба?» Они же отвечали: «Мы теперь у вас обучились, нам надо испытать себя в свете; а потому позвольте нам отправиться постранствовать».

Тут сказал им старик с радостью: «Вы говорите, как brave охотники; то, чего вы желаете, было и моим желанием; ступайте, странствуйте – и будь вам во всем удача!» И затем они стали весело пить и есть вместе.

Когда наступил назначенный день, воспитатель подарил каждому из братьев по хорошему ружью и по собаке и позволил взять из сбереженных им червонцев, сколько им было угодно.

Затем он проводил их некоторую часть пути и при прощании подарил им еще блестящий охотничий нож и сказал: «Когда вам случится разойтись на пути, то воткните этот нож на распутье в дерево; по этому ножу, возвратясь к тому дереву, каждый из вас может судить, как посчастливилось отсутствующему брату: сторона ножа, обращенная в сторону его пути, заржавеет, если он умер, а пока он жив, до тех пор клинок ножа все будет блестеть».

Оба брата пошли вместе путем-дорогою и пришли в лес такой большой, что они в целый день не могли из него выбраться.

Пришлось им в лесу и ночь ночевать, и питаться только тем, что у них было с собою захвачено в охотничью сумку.

Так шли они лесом и еще один день и все же не могли из него выбраться. Есть у них уже было нечего, и потому один из них

сказал: «Надо нам пострелять чего-нибудь, а не то, пожалуй, придется нам голод терпеть», – зарядил свое ружье и стал кругом озираться.

Видит, бежит мимо матерый заяц; охотник в него прицелился, но заяц крикнул ему:

Сжался, егерь, надо мной!

Два зайчонка – выкуп мой!

Тотчас прыгнул заяц в кусты и вынес оттуда двух зайчат; а эти зверьки так весело играли и были такие славные, что у братьев-охотников не хватило духу их убить.

Они оставили их при себе, и оба зайчонка побежали за ними следом.

Вскоре после того мимо них побежала лисица; они было хотели ту лису подстрелить, но и лисица закричала:

Сжался, егерь, надо мной!

Два лисенка – выкуп мой!

И она принесла двух лисят, а братья-охотники и их тоже убить не решились, а оставили при себе вместе с зайчатами, и те тоже за ними побежали следом.

Немного спустя вышел волк из чащи леса, оба охотника в него нацелились; но и волк закричал также:

Сжался, егерь, надо мной!

Два волчонка – выкуп мой!

И двух волчат братья-охотники присоединили к остальным зверям, и те тоже за ними следом побежали.

Потом повстречался им медведь, который тоже не прочь был пожить еще на белом свете, и крикнул охотникам:

Сжался, егерь, надо мной!

Медвежата – выкуп мой!

И еще два медвежонка были присоединены к остальным зверям, и таким образом всех зверей у охотников оказалось уже восемь.

Кто же еще наконец вышел им навстречу? Вышел лев, потрясая своей гривой. Но охотники не оробели и в него прицелились; тогда и лев тоже сказал:

Сжался, егерь, надо мной!
Мои львята – выкуп мой!

И он также принес им своих львят; и вот у братьев-охотников оказались: два львенка, два медвежонка, два волчонка, два лисенка и два зайчонка, которые шли за ними следом и служили им.

А между тем их все же мучил голод, и они сказали лисицам своим: «А ну-ка, вы, пролазы, достаньте нам чего-нибудь поесть, вы ведь от природы лукавы и вороваты». Те отвечали: «Невдалеке отсюда лежит деревня, в которой мы уже не одну курицу потаскали; мы вам туда дорогу укажем».

Вот и пошли они в деревню, купили себе кое-чего поесть, приказали и зверей своих покормить и пошли далее своим путем-дорогою.

Лисицы же отлично знали в том околотке дворы, где водились куры, и всюду могли давать самые верные указания братьям-охотникам.

Так походили-побродили братья вместе, но не могли себе нигде сыскать такой службы, на которую им можно было бы поступить обоим, и порешили наконец: «Видно, нам суждено расстаться».

Они поделили зверей между собою, так что каждый получил на свою долю по льву, по медведю, по волку, по лисице и по зайцу; затем они распрощались, поклялись братски любить друг друга до смертного часа и вонзили в дерево на распутье тот нож, который был им дан воспитателем; и пошел один из них от того дерева на восток, а другой – на запад.

Младший вместе со своими зверями пришел в город, который был весь затянут черной материей. Он вошел в одну из гостиниц и спросил у хозяина, не возьмется ли тот приютить у себя его зверей.

Хозяин гостиницы отвел для них хлев, у которого в стене была дыра. Заяц тотчас из той дыры вылез, добыл себе кочан капусты,

а лиса принесла себе курочку и, съевши ее, не поленилась сходить и за петушком; только волк, медведь и лев не могли из этой дыры выйти, потому что были слишком велики.

Тогда хозяин гостиницы отвел их на поле, где на траве паслась корова, и дал им наесться досыта.

Когда звери были накормлены, охотник спросил у хозяина: «Почему весь город завешан черной материей?» – «А потому, что завтра единственная дочь нашего короля должна умереть». – «Да что же она, при смерти лежит больная, что ли?» – спросил охотник. – «Нет, и живехонька, и здоровехонька; а все же должна умереть». – «Да почему же?» – спросил охотник. «А вот видишь ту высокую гору перед городом? На ней живет дракон, которому каждый год мы должны давать по невинной девушке, а если бы не давали, он бы опустошил всю нашу страну. Теперь уж всех девушек принесли ему в жертву, осталась только одна королевская дочь. Но и той нет пощады, и ее должны мы завтра отдать дракону на съеденье!» – «Да отчего же не убьют дракона?» – спросил охотник. «О, многие рыцари уже пытались это сделать; но только напрасно загубили свою жизнь. Недаром тому, кто победит этого дракона, король пообещал дочь в жены отдать, а по смерти своей – и все свое королевство».

Охотник ничего не сказал более, но на другое утро захватил с собою своих зверей и взошел с ними на драконову гору.

На вершине ее стояла кирха, и в ней на жертвеннике три полных кубка, а при них и подпись: «Кто эти три кубка выпьет, тот будет самым сильным из всех сильных людей на свете и станет свободно владеть тем мечом, который зарыт под порогом входной двери».

Охотник не сразу решился выпить из тех кубков, а вышел из кирхи и разыскал меч, зарытый в земле; но даже и с места его стронуть не мог.

Тогда он вновь вернулся в кирху, осушил те кубки и почувал себя настолько сильным, что мог взять тот меч в руки и владеть им совершенно свободно.

Когда же наступил тот час, в который юную деву предстояло предать дракону, сам король и его дворецкий вместе со всем двором вывели королевну за город.

Издали она увидела охотника на драконовой горе, и ей показалось, что это сам дракон ее ожидает; она было и всходить-то на гору не хотела, но наконец, вспомнив, что весь город должен из-за нее погибнуть, она была вынуждена пойти на этот тяжкий подвиг.

Тогда король и его придворные вернулись домой, исполненные великой горести; а дворецкий короля должен был остаться на месте и издали наблюдать за всем происходившим на горе.

Когда королева поднялась на гору, она увидела там не дракона, а молодого охотника, который старался ее утешить и сказал, что он думает ее спасти, ввел в кирху и запер в ней.

Немного спустя с великим шумом и грохотом налетел семиглавый дракон. Увидев охотника, он удивился и сказал: «Зачем ты тут на горе?» – «А затем, что хочу с тобою биться!» – смело отвечал охотник. «Много уж перебивало здесь удалцов-рыцарей, которые за свою смелость поплатились жизнью, и с тобою я тоже скоро расправлюсь!» – насмешливо сказал змей и стал пыхать на него пламенем из своих семи пастьей.

Пламя было такое сильное, что от него сухая трава загоралась, и, вероятно, охотник задохнулся бы от жара и дыма, если бы не набежали его звери и не погасили пламени.

Тогда дракон набросился на самого охотника, но тот взмахнул мечом так, что в воздухе засвистало, и разом отрубил ему три башки долой.

Дракон разъярился, поднялся в воздух, стал снова пыхать пламенем на охотника и собирался еще раз на него устремиться, но охотник еще раз взмахнул мечом и отрубил дракону еще три головы.

Чудовище сразу ослабло и пало наземь, но все еще наступало на охотника; однако же тот, собравшись с последними силами, отрубил дракону хвост и так как уж не мог более сражаться, то призвал всех своих зверей, и те растерзали дракона на части.

Когда битва с драконом была окончена, охотник отворил двери кирхи и нашел королеву распростертою на полу: она лишилась чувств от страха и ужаса во время битвы охотника с драконом.

Он ее вынес на воздух, и когда она пришла в себя и открыла глаза, он показал ей растерзанного дракона и сказал: «Ты от

него избавлена!» Королевна обрадовалась и сказала: «Теперь ты будешь мне дражайшим супругом, так как отец мой обещал меня выдать замуж за того, кто убьет дракона».

Затем она сняла с себя свое коралловое ожерелье и поделила его между зверьми в награду за оказанную ими помощь, и при этом льву досталась часть ожерелья с золотым замочком. А свой носовой платочек, на котором было вышито имя королевны, она подарила охотнику, который подошел к растерзанному дракону и из семи пастей вырезал языки, завернул в платочек королевны и тщательно припрятал их.

Однако же, утомленный битвою с драконом и измученный пламенем, которым тот обдавал его, охотник почувствовал себя в таком изнеможении, что сказал королевне: «Мы с тобою так изнурены и утомлены, что недурно было бы нам прилечь отдохнуть».

Королевна с ним согласилась, и они прилегли на голой земле; а охотник сказал льву: «Посмотри, чтобы никто не напал на нас во время сна», – и, сказав это, заснул вместе с королевной.

Лев и сел около них, но он тоже был так утомлен битвой, что позвал медведя и сказал: «Ложись рядом со мной; надо мне немного поспать, и если кто подойдет, разбуди меня».

Медведь и прилег около него; но он был тоже утомлен и позвал волка. «Приляг около меня, – сказал он ему, – я только немного сосну, и если кто появится, разбуди меня».

Волк лег около медведя, но так как и он был утомлен, то позвал лисицу и сказал: «Ложись рядом со мною, дай мне поспать немного, а если что случится, то разбуди меня».

Лисица легла около него, но она была тоже настолько утомлена, что позвала зайца и сказала: «Ложись рядом, дай мне поспать немного, а если кто подойдет, то разбуди меня».

Прилег заяц около лисицы, но и он, бедняжка, был тоже утомлен и так как он никому не мог поручить сторожить, то просто заснул.

Заснули и королевна, и охотник, и лев, и медведь, и волк, и лисица, и заяц – и все спали крепким, крепким сном.

Тем временем дворецкий, который должен был за всем следить издали, когда увидел, что дракон не отлетает и не уносит королевны, и все на горе спокойно, собрался с духом и взошел

на гору.

Он увидел там разрубленного на куски и в клочья разорванного дракона, а недалеко от него – спящих рядом королевну, охотника и всех его зверей...

И все были погружены в глубокий сон.

А так как он сам был человек злой и безбожный, то он вынул меч, отрубил охотнику голову; королевну же подхватил на руки и понес с горы.

Тогда она проснулась и пришла в ужас; но дворецкий сказал ей; «Ты в моей полной власти! Ты должна будешь сказать, что не он убил дракона, а я!» – «Не могу! – сказала она. – Не ты это сделал, а охотник и его звери!»

Дворецкий выхватил свой меч и грозил убить ее в случае, если она не повинуется его воле, и тем вынудил у нее обещание ему повиноваться.

Затем он привел королевну к королю, который не мог опомниться от радости, когда увидел в живых милое свое дитяtko, преданное на растерзание чудовищу. Дворецкий сказал ему: «Я убил дракона и дочь твою, девицу, и все царство твое от чудовища избавил; а потому требую себе в награду руку твоей дочери, как было тобою обещано».

Король спросил удочери: «Правду ли он говорит?» – «Должно быть, правду, – отвечала она уклончиво, – но я выговариваю себе разрешение отложить свадьбу на один год и на один день».

В этот промежуток времени она надеялась получить хоть какие-нибудь сведения о своем милом охотнике.

Между тем на драконовой горе все звери все еще лежали рядом около своего убитого господина и спали глубоким сном.

Прилетел большой шмель и сел зайцу на нос; но заяц обмахнулся лапкой и продолжал спать. Шмель прилетел вторично и уселся там же, но заяц опять-таки обмахнулся лапкой и все-таки спал. Прилетел шмель в третий раз и пребольно ужалил его в нос, так что тот проснулся. И чуть только он проснулся, как разбудил лисицу, а лисица – волка, волк – медведя, медведь – льва.

Когда же лев проснулся и увидел, что королевны нет, а его господин лежит убитый, то он начал страшно рычать и воскликнул: «Кто мог это совершить? Медведь, зачем ты меня не

разбудил?» Медведь спросил у волка: «Волк, ты почему меня не разбудил?» – а волк задал тот же вопрос лисице, лисица – зайцу.

Один бедный заяц ни на кого не мог сослаться, и все сложили вину на него.

Они готовы уже были растерзать его, но он взмолился о пощаде и стал просить: «Не губите вы меня, я сумею оживить нашего господина. Я знаю гору, на которой растет такой корень, что кто его во рту держит, тот исцеляется от всех болезней и всяких ран. Но только до той горы двести часов пути».

Лев сказал ему на это: «В двадцать четыре часа ты должен сбегать туда и обратно и тот корень принести с собой».

Заяц тотчас же пустился в путь и через двадцать четыре часа действительно вернулся с корнем.

Лев приставил охотнику голову на место, а заяц ткнул ему корень в рот, и мигом все опять срослось, и сердце стало биться, и жизнь к нему возвратилась.

Тогда охотник очнулся от сна и ужаснулся, не видя около себя королевы; он подумал: «Верно, она ушла во время моего сна, чтобы от меня избавиться».

Лев впопыхах приставил своему господину голову лицом назад, но тот в своей великой печали этого и не заметил; и только уж в полдень, когда ему захотелось поесть, он увидел, что голова у него перевернута, никак не мог понять причины такого странного превращения и стал у зверей спрашивать, что могло с ним произойти во время сна.

Тогда и рассказал ему лев, что все они от утомления около него заснули, а при своем пробуждении нашли его мертвым, с отрубленной головой; затем рассказал, как заяц принес жизненный корень, а он впопыхах приставил голову наоборот, лицом к спине, но с удовольствием готов исправить свою ошибку. Он и действительно сорвал охотнику голову, перевернул ее, а заяц заживил ему раны и укрепил голову на плечах при помощи своего корня.

Но охотник запечалился, пошел скитаться по белу свету и всюду заставлял своих зверей плясать перед зрителями.

И случилось так, что он ровно год спустя опять пришел в тот

самый город, где он спас королеву от дракона и увидел, что весь город обвешан красной материей.

И спросил он у хозяина гостиницы: «Что все это значит? Ровно год тому назад ваш город был весь увешан черным... Почему же теперь он увешан красной материей?» – «Год тому назад, – отвечал хозяин гостиницы, – нашу королеву приходилось отдать на съедение дракону; но дворецкий нашего короля с тем чудовищем сразился и убил его, и завтра должно происходить их венчание. Вот почему тогда город был весь увешан черным, а нынче украшен яркою красною материей».

На другой день, когда уже надлежало праздновать свадьбу королевы, охотник в обеденное время сказал хозяину гостиницы: «А как ты полагаешь, господин хозяин, могу я сегодня здесь у тебя поесть хлеба с королевского стола?» – «Ну, – сказал хозяин, – я, пожалуй, не прочь побиться об заклад на сто червонцев, что этого никогда не будет». Охотник принял заклад и выложил на стол кошелек со ста золотыми. Потом позвал зайца и сказал: «Ступай, мой милый попрыгун, и принеси мне того хлеба, который ест сам король».

Заяц был между зверьми младший и не смел никому передать своего поручения, а должен был сам его исполнить. «Э-э, – подумал он, – пожалуй, если я пойду так-то один по улицам, мясницкие собаки побегут за мною следом».

Как он думал, так и случилось: собаки пустились за ним бежать по улицам и уже было почти совсем добрались до его красивой шкурки. Но заяц тут как пошел писать, да и укрылся в будку часового, так что тот и не заметил, как это произошло.

Подбежали к будке и собаки: очень хотелось им зайца из нее вытащить; но солдат был на часах; видно, шутить не любил и так угостил их прикладом, что они с визгом и ревом бросились врассыпную.

Чуть только заметил заяц, что путь ему открыт, помчался он в королевский замок и прямехонько к королеве, сел под стулом у ней да лапкою-то ее чуть-чуть за ножку.

А она и говорит: «Пошла прочь!» – думала, что это ее собачонка. А заяц-то опять ее за ножку лапкою; и она опять-таки: «Да пошла же прочь!» – все еще думая, что это собачка.

Но заяц опять за свое – и третий раз ее за ножку лапкой; тут только заглянула она под стул и узнала зайца по своему ожерелью.

Вот и взяла она его к себе на руки, отнесла в свою комнату и сказала: «Милый зайчик! Чего ты желаешь?» Тот отвечал: «Господин мой, тот самый, что убил дракона, прибыл сюда и через меня просит, чтобы ты прислала ему того хлеба, который сам король ест».

Королевна очень обрадовалась и приказала позвать к себе булочника, а булочнику велела принести того хлеба, который сам король изволит кушать. Зайчик и сказал при этом: «Но уж прикажи булочнику, чтобы он мне и снес этот хлеб до дому, а то мясницкие собаки опять за мной погонятся».

Булочник снес ему хлеб до дверей комнаты самого хозяина, а там уж заяц поднялся на задние лапы, а в передние взял хлеб и поднес его своему господину.

«Видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – сто червонцев теперь мои».

Хозяин был очень удивлен этим, а охотник опять-таки сказал: «Ну вот, господин хозяин, хлеб с королевского стола у меня теперь есть; но мне захотелось отведать королевского жаркого».

Хозяин проворчал: «Ну, это еще посмотрим», – однако же биться об заклад не захотел.

Позвал охотник лисицу и сказал: «Лисонька! Ступай и принеси мне жаркого, которое сам король кушает».

Лисица недаром слывет пронырой, пошла она по углам и закоулкам, так что ее ни одна собака не увидела, пробралась к королевне, села под ее стулом да лапкой ее за ножку!

Та взглянула под стул и узнала лисицу по ее ожерелью.

«Милая лисонька, – сказала королевна, – чего ты от меня желаешь?»

Та отвечала: «Господин мой, тот самый, что убил дракона, прибыл сюда и прислал через меня просить того жаркого, что сам король ест».

Позвала королевна повара, заказала ему изготовить жаркое, как его королю на стол подают, и отнести вслед за лисою до самых дверей гостиницы.

Тут уж лисица приняла блюдо из рук повара, сначала обмахнула хвостом мух, которые обсели жаркое, и затем поднесла его своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – хлеб и жаркое королевские у меня теперь есть; но хочу еще к этому и блюдо зелени, как его сам король кушает».

Позвал он волка, сказал: «Милый волчок, ступай и принеси мне блюдо зелени, как его сам король изволит кушать».

Волк пошел прямехонько к замку, потому что ему некого было бояться, и когда он пришел в комнату королевны, то дернул ее легонько сзади за платье, так что она оглянулась.

Королевна и его узнала по своему ожерелью и повела к себе, и сказала: «Милый волчок, чего ты от меня желаешь?» – «Мой господин, – отвечал волк, – тот самый, который дракона убил, прибыл сюда и через меня желает получить блюдо зелени в том виде, как его сам король кушает».

Приказала королевна повару приготовить блюдо зелени, как его сам король изволит кушать, и отнести вслед за волком до самых дверей гостиницы; там принял волк блюдо от повара и отнес его своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – теперь у меня и хлеб, и мясо, и зелень с королевского стола; ну, а я желаю еще отведать и королевского пирожного».

Позвал он медведя и сказал ему: «Мишенька, ты до сладкого и сам охотник! Ступай-ка да принеси мне пирожного, как его сам король изволит кушать».

Поскакал медведь к замку, и всякий встречный уступал ему дорогу; когда же он дошел до замковой стражи, та взяла было ружья наперевес и не хотела впускать его в замок.

Но он на задние лапы поднялся, а передними направо и налево стал наделать всех такими сильными оплеушинами, что вся стража рассыпалась, а он прямехонько прошел к королевне, стал позади нее, да и заворчал легонько.

Та оглянулась, узнала и медведя по ожерелью, позвала его в свою комнату и сказала: «Милый Мишенька, чего ты от меня желаешь?» – «Господин мой, – отвечал медведь, – тот самый, который убил дракона, прибыл сюда и просит через меня

переслать ему пирожного, того самого, которое король кушает». Королевна позвала кондитера и приказала ему испечь пирожное по вкусу короля, и снести его вслед за медведем до самых дверей гостиницы. Там медведь сначала слизнул с блюда те сахарные катышки, которые с пирожного скатились, а затем, став на задние лапы, взял у кондитера блюдо и снес его своему господину.

«Видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – вот у меня теперь и хлеб, и мясо, и зелень, и пирожное с королевского стола; но мне еще хочется попить того винца, которое сам король пьет».

Позвал он своего льва и сказал ему: «Милый лев! Ты, я знаю, не прочь выпить, так ступай же и принеси мне вина, какое сам король изволит пить».

Пошел лев по улицам, и все встречные люди бежали от него опрометью.

Когда же он пришел к замку и стража хотела загородить ему дорогу, то он только разок рявкнул – и все сразу разбежались.

Постучал он своим хвостом в дверь королевского замка, и сама королевна ему отворила.

Она не испугалась льва только потому, что узнала золотой замочек от своего ожерелья на шее льва, позвала его в свою комнату и сказала: «Милый лев, чего ты от меня желаешь?» – «Господин мой, – отвечал лев, – тот самый, что убил дракона, прибыл сюда. Он просит прислать ему через меня того вина, которое сам король пьет».

Королевна приказала позвать кравчего, и тот должен был принести льву вина, которое сам король пьет.

«Нет, я лучше сам с ним пойду, – сказал лев, – и посмотрю, чтобы он дал мне настоящего». И пошел с кравчим в погреб.

И когда они туда сошли, кравчий хотел было нацедить ему вина, которое пили королевские слуги, но лев сказал: «Постой! Я сначала вино-то отведаю!»

Нацедил себе полмеры и хлопнул ее разом. «Нет, – сказал он, – это не то вино».

Кравчий посмотрел на него исподлобья и хотел нацедить из другой бочки, из которой угощали вином королевского

дворецкого. «Стой! – сказал лев. – Я вино сначала сам отведаю», – нацедил полмеры и выпил одним духом. «Это получше, – сказал он, – но это все еще не то вино».

Тут кравший озлился и проворчал: «Этакая глупая животина, а туда же – вина разбирает!»

Но лев дал ему такого подзатыльника, что он грохнулся наземь, и когда поднялся на ноги, тогда уж, не говоря ни слова, провел льва в совсем отдельный погребок.

Там стояло королевское вино, исключительно предназначенное для короля лично.

Лев сначала нацедил себе полмеры этого вина, отведал его, тогда уж сказал: «Да, это может быть и настоящее».

Затем он приказал кравчему нацедить этого королевского вина шесть бутылок.

Вот поднялись они из погреба, и когда лев вышел на свежий воздух, то покачивался из стороны в сторону и был немного навеселе; кравчий должен был снести ему вино до самых дверей гостиницы, и только там лев взял у него корзину с бутылками из рук и передал ее своему господину.

«Вот видишь, господин хозяин, – сказал охотник, – у меня тут и хлеб, и мясо, и зелень, и пирожное, и вино – все с королевского стола; вот я теперь и сяду за стол с моими зверями», – и сел за стол, и стал есть и пить, и веселиться, видя, что королева его не забыла и что он ей мил по-прежнему.

Окончив свой пир, охотник сказал: «Господин хозяин, вот я теперь поел и попил, как сам король изволит пить и есть. Ну, а теперь пойду к королевскому двору и возьму королеву за себя замуж». – «Да как же это может случиться? – сказал хозяин. – Ведь у нее уж есть жених, и сегодня назначен день ее сговора».

Тут охотник вытащил из кармана тот платочек, который королева дала ему на драконовой горе (в нем и были завернуты семь языков чудовища), и сказал: «Мне поможет в этом деле то, что я держу в руке».

Посмотрел хозяин на платочек и сказал: «Ну, уж чему другому, а этому я не поверю! Бьюсь об заклад своим двором и домом!»

На это в ответ охотник вынул кошелек с тысячей червонцев, положил его на стол и сказал: «Вот что я ставлю со своей

стороны!»

Тем временем король, сев за свой королевский стол, сказал дочери-королевне: «Что было нужно всем этим диким зверям, которые к тебе приходили сегодня и взад и вперед расхаживали по моему королевскому замку?»

Королевна отвечала: «Этого я сказать не смею; лучше вы сами пошлите за господином этих зверей и прикажите позвать его сюда».

Король послал одного из слуг своих в гостиницу и приказал позвать чужеземца во дворец.

Слуга пришел как раз в то самое время, когда хозяин с охотником побились об заклад.

Охотник и сказал хозяину: «Видишь, король сам посылает за мною слугу и приглашает меня; но я так спроста не пойду. – И сказал слуге: – Попроси короля, чтобы он прислал мне свое королевское платье, карету, запряженную шестериком лошадей, и при ней слуг, которые бы меня сопровождали».

Услышав такой ответ, король сказал дочери: «Что мне следует делать?» Она отвечала: «Прикажите привезти, как он того желает – лучше будет». Вот и послал король свое королевское платье, карету с шестериком лошадей и слугами к охотнику.

Когда тот все это увидел, то сказал хозяину: «Видишь ли, вот теперь и повезут меня, как я сам того пожелал», – и надел королевское платье, взял платочек с языками дракона и поехал к королю.

Видит король, что он подъезжает к замку, и говорит дочери: «Как мне его принять?» А она ему в ответ: «Выйдите ему сами навстречу – так лучше будет».

Вот и вышел король ему навстречу и взвел его наверх, и все звери последовали за охотником.

Король указал ему место рядом с собою и своей дочерью; а дворецкий сидел на другом конце стола как жених и пока что не узнавал охотника.

Во время обеда вынесли семь голов дракона напоказ, и король сказал: «Эти семь голов отрубил дракону мой дворецкий, а потому я и отдаю ему сегодня дочь в замужество».

Тогда охотник поднялся с места, открыл все семь пастей

дракона, заглянул в них и сказал: «А куда же девались семь языков дракона?»

Тут дворецкий перепугался, побледнел и не знал, что ему ответить; наконец он проговорил с перепугу: «Да у драконов языков-то вовсе и не бывает». – «Хорошо было бы, если бы их вовсе не было у лжецов, – сказал охотник, – а языки дракона должны служить доказательством победы».

Он развернул платочек, показал все семь языков, каждый из них вложил в ту пасть, из которой они были вырезаны, и каждый пришелся как раз в меру.

Затем он показал платочек королевне и спросил ее, кому она тот платочек дала.

А королева отвечала: «Тому, кто убил дракона». Тут подзвал он к себе все свое зверье, с каждого из них снял части ожерелья королевы, а у льва снял с шеи золотой замочек, показал королевне и спросил, кому принадлежит ожерелье.

Королева отвечала: «Ожерелье и замочек принадлежали мне, и я все это поделила между зверьями, которые тебе помогли справиться с драконом».

Только тогда уже охотник сказал: «Когда я, утомленный битвою с драконом, прилег отдохнуть и заснул, пришел дворецкий и отрубил мне голову; затем он унес с горы королеву и заставил ее признать себя победителем дракона; а что он солгал, тому служат доказательством языки дракона, платочек и ожерелье».

Тут же он рассказал, как звери исцелили его при помощи дивного целебного корня, как он целый год скитался с ними по белу свету и, наконец, опять сюда пришел и узнал об обмане дворецкого из рассказа хозяин гостиницы.

«Точно ли правда, что этот человек убил дракона?» – спросил король у своей дочери.

«Точно правда, – отвечала дочь, – теперь я могу обнаружить позорное деяние дворецкого, так как оно выяснилось помимо меня, а ранее не могла, потому он вынудил у меня обещание никому не открывать этой тайны. Потому-то я и выговорила себе условие – сыграть свадьбу не ранее, как спустя год и день».

Тут король приказал позвать своих двенадцать советников, которые должны были произнести приговор над дворецким, и те

приговорили злодея к жестокой казни: привязать его к четырем волам и гнать их в разные стороны, пока не разорвут его на части; а за охотника он выдал свою дочь замуж, и все свое королевство поручил ему в управление.

Свадьба была сыграна превеселая, и молодой король призвал на свадьбу своего отца и своего воспитателя и наградил их большими богатствами.

Не забыл он и хозяина гостиницы, приказал его позвать и сказал ему: «Видишь, господин хозяин, я на королевне-то женился и потому твой дом и двор теперь мне принадлежат». – «Да, так и по всей справедливости следует», – сказал хозяин.

Но молодой король ответил: «На милости образца нет: твой двор и дом пусть тебе остаются, да к ним в придачу дарю еще тебе и тысячу червонцев».

Вот и зажил молодой король со своей королевой припеваючи. Он часто выезжал на охоту, потому что очень охоту любил, и его верные звери должны были за ним следовать.

Поблизости же к городу находился лес, о котором ходили недобрые слухи.

Рассказывали в народе, что кто в него случайно зайдет, тому нелегко из него выбраться.

Но молодому королю очень хотелось в нем поохотиться, и он до тех пор приставал к своему тестю-королю, пока тот ему это не разрешил. Вот и выехал он на охоту с большой свитой.

Когда он подъехал к лесу, то увидел в лесу как снег белую лань и сказал своим людям: «Постойте здесь, пока я вернусь к вам, я хочу на эту красотку поохотиться».

Сказав это, он въехал в лес, и только его звери последовали за ним. Свита юного короля простояла и прождала его до вечера, но он не появлялся из леса; тогда свита вернулась домой и рассказала молодой королеве, что ее супруг погнался в волшебном лесу за белой ланью и не вернулся оттуда.

И та очень стала тревожиться о своем супруге. А он ехал да ехал по следу за белой ланью и никак не мог ее нагнать; когда ему казалось, что он приблизился к ней как раз на выстрел, она вдруг быстро от него ускользала и наконец совсем сгинула вдали. Тут только он заметил, что далеко заехал в лес; он взял

охотничий рог, стал трубить, но никто не отозвался на его призыв, потому что его свита не могла его услышать.

Ночь тем временем уже наступила, и он увидел ясно, что ему не вернуться домой в тот день, а потому сошел с коня, развел огонь под деревом и собрался под ним переночевать.

Сел он у огня, и звери его полегли кругом, и вдруг ему почудился человеческий голос.

Стал он кругом озираться – и ничего не видел. Но вот снова услышал он как будто вздохи чьи-то у себя над головой, глянул вверх и увидел на дереве старушонку, которая потихоньку стонала и повторяла: «У-у-у! Как мне холодно!» Он и скажи ей: «Сойди, тетка, вниз и обогрейся, коли тебе холодно». Но та отвечала: «Нет, твои звери меня кусать станут». – «Ничего они тебе не сделают, тетка, сходи смело».

А старушонка-то была ведьма и сказала: «Я тебе скину прутик с дерева, ударь их тем прутиком по спине; тогда они мне никакого худа не сделают».

И точно, скинула ему прутик, и как только он своих зверей тем прутиком ударил, так они тотчас присмирели и превратились в камни.

Обезопасив себя таким образом от зверей, ведьма живо спрыгнула с дерева и его коснулась прутом, и превратила в камень. И стала она смеяться, и стащила молодого короля и его зверей в глубокий ров, где уже много лежало таких же камней.

Когда же юный король совсем не вернулся домой, страх и тревога молодой королевы стали все более и более возрастать.

А тут как раз еще случилось, что другой-то брат, который при разлуке направился на восток, пришел в то же королевство. Он все искал себе службы и никакой не находил, и пришлось ему скитаться по белу свету и показывать людям, как его звери пляшут.

Вот и вздумалось ему, что надо бы взглянуть на ножик, который они с братом при расставании вонзили в дерево; ему захотелось узнать, как живет его брату.

Когда он пришел к дереву, то увидел, что нож с братниной стороны наполовину заржавел, а наполовину все еще блестит.

Он перепугался и подумал: «Верно, моего брата постигло большое

несчастье; но, может быть, я еще могу спасти его, ведь одна половинка ножа еще блестит».

Он тотчас направился со своими зверьми на запад, и когда пришел к городским воротам, городская стража выступила к нему навстречу и спросила, не прикажет ли он оповестить свою супругу о своем прибытии – молодая королева, мол, уже два дня в большой тревоге по поводу его отсутствия и опасается того, что он погиб в волшебном лесу.

Стража-то приняла его за своего молодого короля, до такой степени он был на него похож, и за ним точно так же шли дикие звери, как и за братом его.

Юноша сразу понял, что речь идет о его брате, и подумал: «Лучше всего будет мне выдать себя за брата, тогда легче мне будет и спасти его». Поэтому он дозволил страже проводить себя до замка и был там принят с великою радостью.

Юная королева приняла его за своего супруга и спросила, почему он так долго находился в отсутствии. «Я заблудился в лесу, – отвечал он, – и никак не мог из того леса выбраться».

Так и жил он в замке еще дня два и тем временем разузнал все, что касалось заколдованного леса, и наконец сказал: «Я еще раз должен туда съездить поохотиться».

Как ни старались старый король и молодая королева отговорить его от этого намерения, он настоял на своем и выехал на охоту с большою свитою.

Когда он прибыл в лес, с ним случилось все точно так же, как и с его братом: он точно так же увидел белоснежную лань и сказал своим людям: «Останьтесь здесь и подождите, пока я вернусь», – въехал в лес, и звери его за ним же побежали.

Точно так же не мог он нагнать этой лани и забрался так далеко в лес, что должен был в нем заночевать.

И когда он развел огонь, точно так же услышал, как кто-то над ним стонет: «У-у-у, как мне холодно!»

Глянул вверх – и та же самая ведьма сидела на дереве среди ветвей. «Коли тебе холодно, так сходи сюда, тетка, да и грейся!» – «Нет, – отвечала она, – твои звери искусают меня». – «Они тебя не тронут». – «А вот я тебе отсюда скину прутик, – сказала ведьма, – ты их тем прутиком хлестни, так они и точно

меня не тронут».

Но охотник не доверился старухе и сказал: «Зверей своих я твоим прутиком хлестать не стану; сходи сюда сама, а не то я тебя стащу с дерева».

Тогда уж она ему крикнула: «Мало ли чего ты захочешь! Да и что ты мне можешь сделать?» – «А вот что: не сойдешь доброй волей, так я тебя выстрелом собью с дерева». – «Стреляй, пожалуйста, я твоих пуль-то и не боюсь вовсе!»

Он прицелился в нее и выстрелил, но ведьма была заговорена против всяких свинцовых пуль, она громко и раскатисто рассмеялась и сказала: «Небось, не попадешь в меня!»

Но он был малый не промах: оборвал три серебряных пуговицы со своей одежды, зарядил ими ружье (а против серебряной пули она заговорена не была), и чуть только выстрелил, ведьма с визгом грохнулась с дерева.

Тогда он наступил на нее ногою и сказал: «Старая ведьма, если ты тотчас не скажешь мне, куда ты подевала моего брата, то я тебя сейчас схвачу в охапку и брошу в огонь!»

Ведьма перепугалась, стала просить пощады и сказала: «Он вместе со своими зверьми лежит окаменелый во рву». Тогда он вынудил ее за собою следовать, грозил ей и сказал: «Старая чертовка, ты теперь должна вновь оживить и моего брата, и всех тех, кто с ним вместе брошен тобою в этот ров! Не то тебе одна дорога – в огонь!»

Она взяла какой-то прутик в руки, прикоснулась им к камням: и ожил его брат со своими зверьми, и многие другие – купцы, ремесленники, пастухи; все поднялись изо рва, поблагодарили охотника за свое освобождение и разбрелись в разные стороны.

А братья-близнецы, свидевшись после долгой разлуки, целовались и обнимались, и от души радовались.

Затем схватили они ведьму, связали и бросили в огонь, и когда она сгорела, тогда и лес сам собою поредел и просветлел, так что можно было сквозь него видеть издали замок королевский.

Вот и пошли оба брата вместе домой и на пути рассказывали друг другу все, что с ними случилось.

Когда же младший сказал, что он теперь вместо старого короля владеет всею странюю, то старший заметил ему: «Я в этом

убедился, когда пришел в ваш город и меня там за тебя приняли; мне оказывали всякие королевские почести, а молодая королева приняла меня за своего супруга и заставила сидеть с собою рядом за столом».

Как услышал об этом младший брат, так и вскипел ревностью, и в гневе выхватил меч, отсек им голову брату.

Когда же тот пал на землю мертвый и младший брат увидел его кровь, лившуюся обильною струею, тогда его обуяло раскаяние. «Брат мой меня от ведьмы спас, – воскликнул он с громкими рыданиями, – а я отплатил ему тем, что убил его!»

Но тут подошел к нему заяц и предложил ему сбегать за корнем жизни; побежал и принес корень еще вовремя: мертвый ожил, и даже следа его раны не осталось.

Затем они пошли далее, и младший сказал: «Ты на меня похож, как две капли воды, на тебе такое же королевское платье, как на мне, и такие же звери идут вслед за тобой, вот мы и войдем в двое противоположных ворот города и прибудем к старому королю с противоположных сторон».

На том они и расстались; и вот к старому королю одновременно пришли две стражи от двух противоположных ворот города, и каждая из них возвестила, что молодой король со своими зверьми прибыл с охоты. Король сказал: «Быть не может! Ведь эти ворота отстоят друг от друга на час пути!»

Между тем оба брата с двух разных сторон вступили в ворота королевского замка, и оба поднялись вверх одновременно. Тут король, обратясь к дочери, сказал: «Скажи ты мне, который из них твой супруг? Они оба на одно лицо, и я различить их не берусь!»

Она заметалась в страхе, потому что и сама не могла отличить одного брата от другого; но вспомнила наконец об ожерелье, которое она поделила между зверьми, стала искать его и нашла на одном из львов свой золотой замочек...

Тогда она радостно воскликнула: «Кому этот лев служит, тот и есть мой настоящий супруг!»

Молодой король на это рассмеялся. «Точно, этот и есть настоящий!» – сказал он, и все они вместе сели за стол, стали есть, пить и веселиться.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Фридер и Катерлизхен (Муженёк и жёнушка)

Жили-были на белом свете муж (которого звали Фридер) да жена (ее звали Катерлизхен); поженились они не так давно и считались все еще молодыми.

Однажды сказал Фридер: «Я пойду в поле, Катерлизхен; а как вернусь оттуда, пусть у тебя тогда на столе будет приготовлено что-нибудь жареное для утоления голода да какое-нибудь прохладительное питье для утоления жажды». – «Ступай, ступай, Фридер, – отвечала ему Катерлизхен, – уж я тебе все как следует приготовлю».

Когда же наступило время обеда, она достала из трубы колбасу, которая там коптилась, положила ее на противень, подбавила к ней маслица и поставила противень на огонь. Колбаса стала поджариваться и шкворчать на противне, а Катерлизхен, стоя около огня и держась за ручку противня, сама про себя

раздумывала...

«А что? – пришло вдруг ей в голову. – Пока колбаса изжарится, ведь я бы тем временем могла в погреб спуститься и питья нацедить».

Вот она установила противень-то на огне покрепче, взяла кружку, сошла в погреб и стала цедить пиво. Течет пиво в кружку, Катерлизхен на него смотрит, да вдруг и спохватилась: «Э-э, собака-то у меня наверху не привязана! Пожалуй, еще колбасу-то из противня вытащит, вот будет дело-то!» – и в один миг взбежала по лестнице из погреба...

И видит: собака уж держит колбасу в зубах и волочит ее за собою по земле.

Однако же Катерлизхен не ленива бегать, пустилась за собакой в погоню и гналась за нею довольно-таки долго по полю; но собака бежала быстрее ее и колбасы из зубов не выпускала, и уволокла ее за поле. «Ну, что есть – то есть!» – сказала Катерлизхен, вернулась назад и, утомившись от беготни, пошла домой тихонько, чтобы немного остудить себя.

А тем временем пиво из бочки бежало да бежало, потому что Катерлизхен забыла кран завернуть; налилась кружка полная, а потом потекло пиво мимо кружки в погреб и текло до тех пор, пока вся бочка не опорожнилась.

Катерлизхен еще с лестницы увидела, какая беда случилась в погребе. «Вот тебе на! – воскликнула она. – Что теперь делать, чтобы Фридер этой беды не заметил?»

Подумала, подумала, да и вспомнила, что еще с последней ярмарки на чердаке лежит у них мешок отличной пшеничной муки, вот и придумала она тот мешок с чердака снести да в погребе и рассыпать по полу, залитому пивом. «Да, уж это можно сказать! – подумала она. – Запас беды не чинит и в нужде пригождается!»

Полезла она на чердак, стащила оттуда мешок и спустила его с плеч как раз на кружку, полную пива; кружка опрокинулась, и питье, приготовленное для Фридера, тоже разлилось по погребу.

«Недаром люди говорят, – проговорила Катерлизхен, – что где одно положено, там и другому найдется место!» – и рассыпала муку из мешка по всему погребу. И когда рассыпала, налюбоваться не могла на свою работу и даже сказала: «Вот как

тут все чисто и опрятно теперь!»

В обеденное время пришел и Фридер домой. «Ну-ка, Катерлизхен, что ты мне приготовила?» – «Ах, Фридер! – отвечала она. – Задумала я тебе колбасу изжарить; но пока я пиво из бочки цедила в погребе, собака утащила колбасу с противня; а как я погналась за собакой, все пиво из бочки ушло; задумала я погреб от пива пшеничной мукой высушить и кружку с пивом тоже опрокинула. А впрочем, будь покоен, в погребе теперь у нас сухо». – «Женушка, женушка! – сказал ей Фридер. – Лучше бы ты этого не делала! Колбасу дала собаке утащить, пиву дала из бочки утечь да еще пиво засыпать пшеничной мукой выдумала!» – «Так-то так, муженек! Да ведь я всего этого не предвидела: ты бы должен был мне все вперед сказать».

Фридер подумал: «Ну, если и дальше так с женой пойдет, так и точно придется мне самому обо всем заранее подумать».

Вот и случилось, что накопивши порядочную сумму талерами, променял он их на золото и сказал Катерлизхен: «Вот видишь тут эти желтые черепочки? Эти черепочки я сложу в горшок да зарюю в хлеву под яслями у коровы; только смотри – не трогай их, а не то тебе от меня достанется!» И она сказала: «Нет, муженек, ни за что не трону».

Когда же Фридер ушел, пришли в деревню торговцы продавать глиняные кружки и горшки и спросили у Катерлизхен, не желает ли она что-нибудь купить. «Э-э, добрые люди, – сказала Катерлизхен, – нет у меня никаких денег, и ничего я у вас купить не могу; а вот если вам нужны желтые черепочки, так на черепочки и я бы у вас кое-что купила». – «Желтые черепочки? А почему бы не нужны? Покажи-ка их нам!» – «Так вот ступайте в хлев и поройтесь под яслями у коровы, там и найдете желтые черепочки в горшке, а я при этом и быть не смею!»

Плуты-торговцы пошли по ее указанию, порылись под яслями и отрыли чистое золото. Золото они забрали, да с ним и бежали, а товар свой, горшки да кружки весь в доме покинули.

Катерлизхен и подумала, что и эта новая посуда ей пригодиться может; но так как на кухне в ней не было недостатка, то у всех новых горшков она повыбивала дно и расставила их в виде украшения на заборные столбы вокруг всего дома.

Как вернулся Фридер домой, как завидел это новое украшение, так и стал говорить: «Дорогая, что это ты опять наделала?» – «А это я купила, дорогой, на те желтые черепочки, что под яслями у коровы зарыты были... Сама-то я туда не ходила – так продавцы уж их откопали». – «Ах, Катерлизхен! Что ты наделала? Ведь это же не черепки были, а чистое золото, и в том было все наше состояние. Ты бы этого не должна была делать!» – «Так-то так, дорогой, – отвечала она, – да я же этого не знала; ты бы мне должен был наперед сказать».

Постояла минутку Катерлизхен, подумала и говорит: «Послушай-ка, муженек, ведь золото твое ты можешь снова добыть, побегим скорее вслед за ворами». – «Пойдем, пожалуй, – сказал Фридер, – попытаемся; захвати только с собою хлеба и сыра, чтобы было нам что по дороге перекусить». – «Ладно, муженек, захвачу».

Пустились они в погоню, и так как Фридер был на ногу легче жены, то Катерлизхен от него и поотстала. «Этак-то еще и лучше, – подумала она, – как будем назад возвращаться, мне же менее идти придется».

Вот и пришли они путем-дорогою к горе, где на обоих склонах прорезаны были колесами глубокие колеи. «Ишь ты, – сказала Катерлизхен, – ведь они тут бедную землю изрезали, изрыли и исполосовали так, что во весь век не заживет!» Да с великой-то жалости возьми и намажь все колеи маслом, чтобы колеса по ним мягче катились; а между тем как она над колеями нагибалась, выкатилась у нее одна головка сыра из фартука и покатила вниз по горе. «Ну, нет, брат, – сказала Катерлизхен, – я раз-то взошла на гору, а из-за тебя другой раз всходить на нее не стану; пусть другой сыр за ним скатится и вернет его сюда».

Взяла она другую головку сыра и скатила ее вслед за первой. Однако же сыры не возвращались к ней; тогда она и третий вслед за ними спустила и подумала: «Может быть, они третьего поджидают и не хотят возвращаться одни».

Но и три сыра не возвращались; тогда она решила: «Видно, третий-то не нашел к ним дороги и заблудился на пути, pošлю-ка я и четвертый за ними, пусть позовет их». Но и с четвертым то же случилось, что и с третьим.

Тогда женошка рассердилась, швырнула под гору и пятую, и

шестую головку, так что у нее сыру уж и совсем не осталось. Однако же она их некоторое время поджидала еще и прислушивалась; но так как сыры не возвращались, она на них махнула рукой и проворчала: «Вас хорошо бы за смертью посылать! Ждать вас не стану: захотите и сами меня нагоните!»

Пошла Катерлизхен дальше и сошлась с мужем, который остановился и поджидал ее, потому что ему есть захотелось. «Ну-ка, давай сюда, что у тебя там есть в запасе!»

Та подала ему сухой хлеб. «А где же масло и сыр?» – «Ах, муженек, маслом я колеи на дороге вымазала; а сыры наши скорехонько вернутся: один у меня из рук выкатился, а другие я сама за ним вслед послала, чтобы они его обратно привели». – «Ну, женушка, могла бы ты этого и не делать! Эка, что выдумала – маслом дорогу смазывать, а сыры с горы скатывать». – «Так-то так, муженек, да все ты же виноват, зачем не предупредил меня».

Пришлось им обоим закусывать сухим хлебом; вот и сказал Фридер: «Женушка, да заперла ли ты дом наш, как из него уходили?» – «Нет, муженек, ты бы мне это сказать должен был». – «Ну, так воротись же домой и сначала запри дверь, а потом уж и пойдем дальше; да кстати уж и поешь чего-нибудь другого принеси, я буду тебя здесь поджидать».

Пошла Катерлизхен домой, да и думает: «Муженек хочет чего-нибудь другого поесть, сыр да масло ему не по вкусу прились, так вот, захвачу я для него из дому целый узел сушеных груш и кружку уксусу».

Затем она задвинула задвижкой дверь верхнего этажа в доме, а нижнюю сняла с петель и с собой захватила, положив на плечи, а при этом подумала, что коли дверь у ней под охраной будет, так и в дом никто войти не сможет.

Не скоро дошла до места Катерлизхен и все думала: «Пусть муженек-то тем временем отдохнет».

Когда же дошла она до Фридера, то сказала: «Вот тебе, муженек, и дверь домовую принесла, на-ка, сторожи ее». – «Ах, Господи, то-то умная у меня женушка! Нижнюю-то дверь с собой унесла, так что каждому теперь в дом наш путь открытый, а в верхнем этаже задвижкой задвинула! Ну, теперь уж поздно домой

ворочаться; но уж если ты сюда дверь притащила, так изволь же тащить ее на себе и дальше!» – «Пожалуй, дверь-то я и понесу, муженек, а уж узел с сушеными грушами и кружку с уксусом мне нести тяжело; я их на дверь повешу, пусть их дверь несет».

Вот они наконец и в лес вошли, стали искать плутов-торговцев, однако же не нашли.

Стало уже темнеть, и забрались они на дерево, предполагая там переночевать. Но едва наверху уселись, как пришли под то дерево те самые добрые молодцы, которые уносят с собою все, что само за ними идти не хочет, и умеют разыскивать вещи прежде, чем они потеряются.

Сели они под деревом, на которое Фридер и Катерлизхен залезли, развели огонь и собирались делить свою добычу. Фридер спустился с дерева на другую сторону набрать камней, опять влез с ними на дерево и хотел пришибить ими воров насмерть. Но ни один из его камней не попал в цель, и вору стали говорить между собой: «Видно, скоро светать начнет, ветром стало сбивать с елей шишки».

А Катерлизхен тем временем все еще держала дверь на плечах, и так как ей было держать тяжело, то она и подумала, что это узел с грушами дверь оттягивает, и сказала мужу: «Я узел с грушами сброшу». – «Нет, женушка, теперь не бросай, а то по грушам и нас на дереве разыщут». – «Нет, брошу, не могу, очень уж они меня тяготят». – «Ну, так и делай, черт возьми!»

И посыпались груши сквозь ветви вниз, а те, что внизу сидели, даже и внимания на них не обратили.

Немного спустя Катерлизхен, которая по-прежнему изнемогала под тяжестью двери, сказала мужу: «Ах, муженек! Мне и уксус тоже надо вылить». – «Нет, женушка, не делай ты этого, а то они, пожалуй, нас отыщут!» – «Ох, муженек, не могу: я должна его выплеснуть! Уж очень он меня тяготит!» – «Ну, так выливай же, черт побери!»

Выплеснула она уксус и обрызгала внизу добрых молодцев. Стали они друг с другом переговариваться, что роса, мол, падает.

Наконец-то Катерлизхен догадалась: «Да уж не дверь ли это мне так оттягивает плечо? – и сказала мужу: – Муженек, я и дверь тоже скину с плеч!» – «Как можно! Тогда нас сейчас же

откроют!» – «Ах, не могу! Очень она меня тяготит!» – «Да нет же, держи ее!» – «Нет, никак не могу – оброню!» – «Ну, так вали же ее, нелегкая ее побери!» – отвечал Фридер с досадой.

Дверь свалилась с дерева с шумом и грохотом, и воры под деревом закричали: «Сам дьявол на нас валится с дерева!» – бросились врассыпную и всю добычу покинули на месте.

Ранешенько утром, когда Фридер и Катерлизхен спустились с дерева, они нашли под ним все свое золото и понесли его домой.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Собака и воробей (Пёс и воробей)

У одной собаки-овчарки хозяин был недобрый человек, и потому ей приходилось немало терпеть от голода. Будучи не в силах выносить этот голод, собака в конце концов ушла от него, совсем опечаленная.

На дороге повстречался с ней воробей и сказал: «А скажи-ка ты мне, песик-братик, отчего ты так закучинился?» Пес отвечал: «Я мучусь от голода, а поесть мне нечего». И воробей сказал: «Братец, пойдем в город, там я тебя накормлю досыта».

Вот и пошли они вместе в город, и когда подошли к мясной лавке, воробей сказал: «Постой здесь, я тебе сейчас кусок мяса с прилавка сцапаю».

И точно: уселся на прилавок, оглянулся во все стороны, увидел, что никто за ним не примечает, и до тех пор поклевывал, потаскивал и поволакивал кусок говядины, лежавший на краю прилавка, пока кусок не свалился на пол. Пес его тотчас подхватил, побежал в укромный уголок и съел.

Тогда воробей сказал: «Пойдем к другой лавке, я тебе там еще один кусок с прилавка скину, чтобы ты мог насытиться».

Когда же пес и второй кусок съел, воробей спросил у него: «Песик-братик, сыт ли ты теперь?» – «Да, говядинки я поел досыта, – отвечал пес, – а вот хлеба-то у меня еще и во рту не было». Воробей сказал: «И это тебе добудем, ступай за мной».

И повел его к лавке хлебника, и до тех пор поклевывал и подталкивал два небольших хлебца, пока они не свалились с прилавка, и когда пес еще хлеба захотел, повел его к другому хлебнику и там тоже добыл ему хлеба.

Когда все это было съедено, воробей сказал: «Песик-братик, сыт ли ты теперь?» – «Да, – отвечал пес, – и теперь мы можем сделать маленькую прогулку за город».

Вот и вышли они вместе на большую дорогу. Погода была теплая, и пес сказал: «Устал я, и недурно бы мне поспать маленько». – «Да! Да! Усни, – отвечал воробей, – а я тем временем усядусь на ветке». Пес раскинулся на дороге и заснул.

Лежит он и спит, а по дороге едет ломовой извозчик и везет в повозке две бочки вина на тройке лошадей. Воробей увидел, что он не хочет сворачивать с дороги и едет по той колее, поперек которой лежал, растянувшись, пес, и закричал: «Извозчик, сверни маленько в сторону, не то я тебя разорю». Извозчик проворчал себе под нос: «Посмотрим, как это ты меня разоришь?» – защелкал бичом и перекатил повозку через пса, так что тот остался мертвым на месте.

Тогда воробей крикнул ему: «Ты задавил моего песика-братика, так знай же: это будет тебе стоить телеги и лошадей!» – «Вот еще, телеги и лошадей! – сказал извозчик. – Посмотрел бы я, как это ты мне повредить можешь». И поехал далее.

Тогда воробей подобрался под брезент, которым телега была прикрыта, и давай расклеивать дырку бочки настолько, что затычка из нее выскочила; и вытекло из бочки все вино, а извозчик того и не заметил. Когда же он как-то оглянулся назад и увидел, что с телеги каплет, то стал осматривать бочки и тут только убедился, что одна из бочек пуста. «Ах я, несчастный!» – воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» – сказал ему воробей и, взлетев одной из лошадей на голову, выклевал ей глаза.

Увидев это, извозчик вытащил из-за пояса свой крюк и швырнул им в воробья; но воробей взвился вверх, а крюк угодил лошади в голову и убил ее насмерть. «Ах я, несчастный!» – воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» – сказал воробей, и когда извозчик потащился далее на своей паре лошадей, воробей опять забрался под брезент, выклевал и из другой бочки затычку и выпустил из нее все вино.

Когда извозчик это увидел, он опять воскликнул: «Ах я, несчастный!», – но воробей по-прежнему отвечал ему: «Недостаточно еще несчастлив!» – сел второй лошади на голову и той тоже выклевал глаза.

Извозчик подбежал и набросился на него с крюком, но воробей взвился вверх, крюком попало лошади по голове да так, что она осталась на месте. «Ах я, несчастный!» – «Недостаточно еще несчастлив!» – сказал воробей, сел и третьей лошади на голову и стал ей клевать глаза.

Извозчик в ярости опять набросился на воробья с крюком, но воробей от него улетел, а он и третью свою лошадь убил на месте. «Ах я, несчастный!» – воскликнул он. «Недостаточно еще несчастный!» – отвечал воробей. – Теперь я полечу вперед и дома все у тебя разорю!» – и, точно, полетел вперед.

Извозчик должен был бросить телегу на дороге и побрел домой пешком, гневный и озлобленный.

«Ах, – сказал он жене, придя домой, – сколько бед на меня обрушилось: и вино-то у меня из бочек повытекло, и все три лошади пали!» – «Ах, муженек! Да что это за злая птичка к нам в дом прилетела! Она со всего света птиц созвала, и все они набросились на нашу пшеницу и поедают ее взапуски».

Поднялся извозчик на верх дома, чтобы взглянуть на свое поле, и увидел, что тысячи и тысячи птиц сидят на том поле и пшеницу всю уж склевали, и воробей тут же, между птицами. Тут закричал извозчик: «Ах я, несчастный!» – «Недостаточно еще несчастлив! – отвечал воробей. – Ты мне, извозчик, еще и жизнью поплатишься!» – и улетел прочь.

Извозчик, потерявший в тот день разом все свое достояние, сошел вниз в комнату и сел на печку, озлобленный и разъяренный.

А воробей тем временем присел на подоконник и крикнул: «Извозчик, ты мне еще жизнью поплатишься!» Тогда извозчик ухватился за крюк и бросился к воробью, но только стекла в окне перебил, а по воробью не попал.

А воробей и в дом влетел, и на печку сел, и крикнул: «Извозчик, ты мне еще жизнью поплатишься!» Извозчик, совсем обезумевший и ослепленный яростью, бросился к печи и разбил ее вдребезги, и метался вслед за воробьем, куда бы тот ни присаживался, и перебил всю домашнюю утварь, зеркальце, скамьи, стол, даже стены своего дома, а воробей все от него увертывался.

Наконец-таки удалось ему ухватить воробья рукой. «Не прикажешь ли убить его?» – спросила извозчика жена. «Не-е-т! – воскликнул он. – Убить его мало! Надо его уморить мучительной смертью – я проглочу его живьем!» Взял да разом и проглотил воробья.

А воробей-то начал у него в желудке летать да попархивать и наконец опять взлетел извозчику в самую глотку, а оттуда в рот, выставил изо рта голову и крикнул: «Извозчик, а ты все же поплатишься мне жизнью!»

Тогда извозчик подал жене своей крюк и сказал: «Жена, убей ты воробья у меня во рту!» Жена крюком ударила, да маленько промахнулась и угодила мужу крюком по голове, убив его наповал. А воробей тем временем изо рта его выпорхнул и улетел.

 Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Золотая птица

Давно, очень давно жил да был король, у которого позади замка был прекрасный сад, а в том саду было дерево, на котором росли золотые яблоки.

Как только яблоки стали созревать, так их сосчитали; но тотчас после того, на следующее же утро – глядь: одного яблока как не бывало! Оповестили об этом короля, и он приказал, чтобы каждую ночь под деревом ставилась стража.

У него было три сына, и старшего из них выслал он сторожить при наступлении первой же ночи.

Пошел сын, но с наступлением полуночи не мог воздержаться от сна, и на другое утро опять не хватило одного яблока.

На следующую ночь должен был идти второй сын; но и с тем случилось то же самое: едва наступила полночь, он заснул, а под утро недосчитались еще одного яблока.

Вот дошла очередь и до младшего сына, и он уж совсем изготовился идти сторожить, да король все не решался доверить ему это дело, предполагая, что он еще хуже будет стеречь золотые яблоки, нежели его братья; но затем отец согласился и отпустил его.

Вот юноша и улегся под деревом, и глаз не сомкнул, и сну не поддавался. Как ударила полночь, так зашумело что-то в воздухе, и он увидел при лунном свете слетевшую на дерево птицу, у которой перья блестели как золото.

Птица опустилась на дерево и только что успела сорвать с него яблоко, как юноша пустил в нее стрелу. Птица улетела, но стрела попала ей в перья, и одно из ее золотых перышек пало на землю. Юноша перышко поднял, принес его на следующее утро к королю и рассказал ему, что видел ночью.

Король собрал свой совет, и все его советники решили, что одно такое перышко стоит более, чем все его королевство. «Коли это перышко действительно так ценно, – заявил король, – то мне одного пера и не надобно: я должен непременно добыть эту птицу целиком».

Старший сын пустился в путь, надеясь на свой ум и сообразительность, и думал, что уж наверное отыщет золотую птицу. Пройдя некоторую часть пути, он увидел на опушке леса лисицу и прицелился в нее из своего ружья.

Вдруг лисица закричала: «Не стреляй в меня, я тебе добрый совет дам. Ты вышел на поиски золотой птицы и сегодня вечером придешь в одну деревню, где увидишь две гостиницы – одну против другой. Одна из них ярко освещена, и постояльцам в ней живется весело; но ты туда не заходи, а лучше остановись в другой, хотя бы она тебе и не очень понравилась». – «Ну, может ли такой глупый зверь дать мне разумный совет?» – подумал королевич и спустил курок; но он дал промах, и лисица, распутив хвост, быстро юркнула в лес.

А королевич продолжал свой путь и вечерком прибыл в деревню, в которой находились обе гостиницы: в одной из них шло веселье, там пели и плясали, а у другой вид был жалкий и печальный. «Дурак бы я был, – подумал он, – если бы я сунулся в эту нищенскую гостиницу и прошел бы мимо той, которая гораздо лучше».

Вот и завернул он в веселую, и зажил там припеваючи, позабыл и о птице, и об отце, и обо всех добрых советах.

Когда уже прошло порядочно времени и старший сын все не возвращался домой, снарядился в путь-дорогу на поиски золотой

птицы второй королевич.

Ему, как и старшему брату, пришлось повстречаться с лисицей, которая дала ему добрый совет, и он тоже на тот совет не обратил никакого внимания.

И он тайком прибыл к двум гостиницам, увидел в одной из них своего брата, стоявшего у окна, из которого доносился шум веселья; брат его и позвал в эту гостиницу, а королевич не мог воздержаться, вошел и предался влечению своих порочных наклонностей.

Опять-таки прошло некоторое время, и вот младший королевич задумал попытать своего счастья; а отец ни за что не хотел этого допустить. «Напрасно он и пойдет, – говорил отец, – ему еще мудренее будет сыскать золотую птицу, нежели его братьям, а если с ним приключится какое-нибудь несчастье, то он не сумеет из него и выпутаться; да притом и денег у него нет».

Однако же отец согласился-таки наконец, потому что сын не давал ему покоя.

И младший королевич на опушке леса повстречал лисицу, которая просила пощадить ее и дала ему добрый совет. Добродушный юноша сказал: «Будь спокойна, лисонька, я тебе никакого зла не сделаю...» – «И не раскаешься в этом, – отвечала ему лисица, – и вот, чтобы ускорить твое путешествие, ты садись ко мне на хвост!» И чуть только он уселся, лисица помчала его так быстро через пень да через колоду, что волосы его по ветру развевались.

Когда они приблизились к деревне, юноша сошел с хвоста лисицы и последовал ее доброму совету: остановился в плохонькой гостинице, даже и не посмотревши на другую, и преспокойно там переночевал.

На другое утро, когда он вышел из деревни в поле, лисица ожидала его и сказала: «Я тебе укажу, что далее следует делать. Иди все прямо и придешь к замку, перед которым множество сторожей будут лежать; но ты на них не обращай внимания, так как все они будут спать и храпеть. Пройди между их рядами прямехонько в замок, а в замке – через все комнаты, пока не придешь к той, в которой золотая птица сидит в деревянной клетке. Рядом поставлена там и пустая золотая

клетка для виду; но ты берегись – не пересади птицу из дурной клетки в золотую, не то может с тобою большая беда приключиться».

Сказав все это, лисица опять подставила юноше свой хвост, тот на него уселся, и помчала она его через пень, через колоду так быстро, что волосы его по ветру развевались.

Когда юноша прибыл к замку, он все так и нашел, как ему заранее предсказала лисица.

Пришел королевич и в ту комнату, где золотая птица сидела в деревянной клетке, а золотая клетка рядом стояла; и три золотые яблока валялись в той же комнате.

И подумал юноша, что было бы странно, если бы он оставил такую чудную птицу в простой и дрянной клетке, когда есть тут же рядом красивая, золотая; поэтому он отпер дверцу деревянной клетки и пересадила птицу в золотую. В то же мгновение птица испустила пронзительный крик; сторожа проснулись, ринулись в ту комнату, схватили юношу и повели его в тюрьму.

На другое утро он был выведен на суд, и так как он во всем сознался, то его осудили на смерть. Однако же король сказал, что готов даровать ему жизнь при одном условии: если он возьмется добыть для него золотого коня, который мчится быстрее ветра. «Если добудешь этого коня, – сказал король, – так я тебе в награду отдам золотую птицу».

Королевич пустился в путь-дорогу, однако же горевал и вздыхал, решительно не зная, где ему следует искать этого золотого коня.

И вдруг увидел перед собою свою старую приятельницу-лисицу, седевшую на краю дороги. «Видишь, – сказала лисица, – вот что произошло из-за твоего непослушания. Но не падай духом, я тебе подсоблю и скажу тебе, как следует добраться до золотого коня. Ступай прямой дорогой и дойдешь до замка, в котором золотой конь в стойле стоит. Перед конюшней его увидишь конюхов, которые будут лежать целыми рядами, но они будут спать и храпеть, и ты можешь себе преспокойно вывести золотого коня из конюшни. Но смотри, одно не забудь: оседлай коня плохим седлом, деревянным, обитым кожей, а никак не золотым, которое тут же рядом будет висеть, не то очень плохо тебе придется».

Затем лисица подставила ему свой хвост и помчала его через пень и колоду так быстро, что волосы его по ветру развевались. Все так и случилось, как лисица предсказала: он пришел в стойло, где стоял золотой конь, и седло было тут же под рукою; но когда он уже задумал – было оседлать его плохим седлом, то ему пришло в голову: «Для такого чудного коня будет прямым позором, если я не оседлаю его хорошим седлом, которым его и надлежит седлать по его достоинству». Но едва только конь почуял на себе золотое седло, как стал громко ржать.

Конюхи проснулись, схватили юношу и бросили его в темницу. На другое утро суд осудил его на смерть, однако же король обещал ему помилование, да еще и золотую лошадь впридачу, если он сможет добыть ему прекрасную королеву из золотого замка.

С грустью в душе пустился юноша в дорогу; однако же на счастье его вскоре повстречался он со своей верной лисицей. «Мне бы следовало оставить тебя на произвол твоей несчастной судьбы, – сказала лисица, – но мне тебя жалко, и я тебя еще раз из беды выручу. Этот путь приведет тебя прямехонько к золотому замку. Вечерком ты прибудешь к замку, а ночью, когда все заснет и стихнет, красавица-королева выйдет из замка в свою купальню купаться. И чуть только она в купальню вступит, ты к ней подскочи, да и поцелуй ее, тогда она за тобой пойдет следом, и ты можешь ее увести с собою. Только смотри, не отпускай ее прощаться с родителями до ухода из замка, а то тебе плохо будет».

Тут лисица протянула ему свой хвост, королевич сел на него верхом, и помчала она его по горам, по долам, так что волосы его по ветру развевались.

Прибыл он к золотому замку как раз в то время, как лисица сказала. Ждал до полуночи, когда все стихло и заснуло, и красавица-королева пошла из замка в свою купальню. Тут он к ней подскочил и поцеловал ее в уста сахарные.

Красавица сказала ему, что она охотно последует за ним, но просила и молила его со слезами, чтобы он дозволил ей сначала проститься с родителями. Сначала он противился ее желанию, но так как она не переставала проливать горькие слезы и пала в мольбах к его ногам, то он наконец уступил ее просьбам.

Но едва только королева подошла к постели отца своего, как тот проснулся, а за ним и все, кто был в замке, юношу схватили и посадили в тюрьму.

На другое утро король сказал ему: «Жизнь твоя в моих руках, и ты можешь заслужить помилованье одним – вот срой эту гору, что у меня перед окнами и загораживает мне вид вдаль! И эту работу ты должен выполнить в течение восьми дней. Если ты это успешно выполнишь, то получишь в награду руку моей дочери!»

Королевич тотчас принялся за дело: рылся и копался на горе без устали, но когда по истечении семи дней увидел, как мало он успел сделать, то впал в большое уныние и потерял всякую надежду на благополучный исход дела.

Но под вечер седьмого дня явилась к нему лисица и сказала: «Ты, положим, вовсе не заслуживаешь того, чтобы я тебе помогала; ну, да уж так и быть, ступай спать, я за тебя всю работу как раз сделаю».

Когда на другое утро он проснулся и выглянул в окошко, то горы уже как не бывало.

Юноша, совершенно счастливый от неожиданной удачи, поспешил явиться к королю, возвестил, что уговор, заключенный с ним, уже выполнен, и королю, хочешь – не хочешь, пришлось сдержать слово и выдать за него свою дочь.

Вот и поехали молодые жених и невеста из замка и вскоре повстречались на дороге с лисою: «Ну, теперь у тебя самое лучшее в руках, – сказала она королевичу. – Однако же к красавице-королевне из золотого замка не мешало бы еще приобрести и золотого коня». – «А как его приобретешь?» – спросил юноша. «А вот как: сначала отведи красавицу-королевну тому королю, который послал тебя в золотой замок на поиски. В замке того короля все очень обрадуются прибытию королевны и охотно отдадут тебе золотого коня, и даже подведут его к тебе. Ты на него тотчас садись верхом и всем на прощанье протягивай руку; а последней изо всех протяни руку красавице-королевне и, ухватив ее за руку, разом вскинь ее к себе в седло, да и пускай коня во весь дух! Тогда уж тебя никто не догонит, потому что этот конь мчится быстрее ветра».

Все это было успешно выполнено, и королевичу удалось увезти

красавицу-королевну на золотом коне.

И лисица от них не отставала и сказала юноше: «Ну, теперь я тебе помогу добыть и золотую птицу. Когда ты приблизишься к тому замку, где она находится, то ссади королевну с коня, и я ее приму под свою защиту. Затем въезжай во двор замка на своем золотом коне; как только его там увидят, так все ему обрадуются, и сами тебе вынесут золотую птицу. Чуть только ухватишься рукой за клетку, так тотчас гони к нам на коне во всю прыть и опять пускайся в путь со своей возлюбленной королевной».

Когда все случилось по сказанному, как по писаному, и королевич собирался уже возвращаться со своими сокровищами домой, лисица ему сказала: «Ну, теперь должен ты и меня наградить за оказанную тебе помощь». – «А чем наградить прикажешь?» – спросил юноша. «Когда мы сойдемся с тобой в нашем лесу, ты должен будешь меня застрелить, отрубить мне голову и лапы». – «Славная была бы тебе благодарность за услуги, – сказал королевич, – и этого уж я никоим образом не могу сделать».

Лисица сказала: «Ну, если ты мне этого сделать не хочешь, то я должна буду тебя покинуть; однако же прежде чем уйти, я хочу дать тебе добрый совет: остерегайся двух случаев – не скупай висельничьего мяса и не садись никогда на край колодца». И с этими словами она скрылась в лесу.

Юноша подумал: «Что за мудреный зверь эта лисица – чего-чего она не придумает! Ну, кой черт станет скупать мясо с виселицы?! Да, признаться, мне никогда еще в голову не приходило садиться на край колодца...»

Поехал он с красавицей-королевной далее, и пришлось ему опять проезжать через ту деревню, в которой остались его два брата. В деревне была большая сумятица, шум и крик, и когда королевич спросил о причине всего этого, ему доложили, что сейчас собираются двух негодяев повесить.

Подойдя к толпе поближе, королевич увидел, что вешать собираются его родных братьев, которые много успели натворить всяких темных дел и давно прокутили все свое состояние.

Королевич спросил, нельзя ли их как-нибудь от виселицы

избавить. «Коли хотите, заплатите нам за них, – отвечали сельчане, – да правду сказать, не стоит за этих негодяев отдавать ваши деньги и выкупать их от виселицы».

Но королевич не задумался за них заплатить, и когда их освободили, то они продолжали дальнейший путь уже вместе.

Вот и прибыли они в тот лес, в котором первоначально повстречались с лисой.

А так как жара была большая, а в лесу и прохладно, и приятно, то братья и сказали королевичу: «Вот тут, около колодца, приостановимся и отдохнем, поедим и попьем».

Тот согласился и, забывшись среди разговора, присел на край колодца, не помышляя ни о чем дурном.

Но двое его братьев вдруг на него бросились, спихнули его в колодец, завладели его королевной, его золотой птицей и золотым конем и отправились домой к отцу.

«Вот мы привезли тебе не только золотую птицу, – сказали они, – но еще и золотого коня и красавицу-королевну из золотого замка впридачу».

Все были этим обрадованы; но только конь ничего не ел и стоял понурив голову, птица не насвистывала, а красавица-королевна сидела в углу и все плакала.

Между тем младший-то брат не погиб.

Колодец, на его счастье, был сух, и он упал на мягкий мох, не причинив себе никакого вреда; только вот вылезти из колодца самостоятельно он никак не мог.

И в этой беде верная лиса его не покинула: сошла к нему в колодец вниз и выбрала его за то, что он позабыл ее совет. «Оставить тебя в этом положении я, однако же, не могу, – сказала лисица, – и опять тебя вызволю на Божий свет».

Приказала ему ухватиться за ее хвост и крепко-крепко держаться и вытянула его на хвосте из колодца.

«Ты не думай, чтобы уж теперь ты избежал всех опасностей, – сказала лисица. – Твои братья не были уверены в твоей смерти и весь лес оцепили караульщиками, которым дано приказание тотчас тебя убить, как только ты из лесу покажешься».

На опушке леса в то время сидел какой-то бедняк; с этим бедняком королевич поменялся своею одеждою и таким образом

переодетый пробрался к королевскому двору.

Никто его и не узнал; но все заметили, что золотая птица вдруг стала из своей клетки насвистывать, золотой конь стал кормить, а красавица-королевна перестала проливать слезы.

Король в изумлении спросил у нее: «Что бы это могло значить?» И сказала ему красавица: «Я и сама не знаю почему, но только мне все было так грустно-грустно, а теперь вдруг стало весело. Так мне и сдается, что мой настоящий жених прибыл сюда в замок».

И она рассказала королю все, что произошло, хотя оба брата и грозили ей смертью в том случае, если бы она их выдала. Король приказал позвать к себе всех бывших в замке людей. Вместе с другими явился и юный королевич в своих нищенских лохмотьях; но красавица-королевна его тотчас узнала и бросилась к нему на шею.

Преступных братьев немедля схватили и казнили, а его обвенчали с красавицей-королевной, и король назначил его своим наследником.

Ну, а что же с бедной лисой случилось?

Много времени спустя королевич как-то зашел в тот же лес; там повстречался он с лисицей, и та сказала ему: «Теперь у тебя все есть, чего бы ты мог пожелать, а я все от своей беды не могу избавиться, и избавление мое полностью от тебя зависит», – и еще раз стала она его просить и молить, чтобы он ее пристрелил и отрубил бы ей голову и лапы.

Королевич исполнил эту просьбу, и едва только выполнил ее, лисица обернулась добрым молодцем, и этот молодец оказался родным братом красавицы-королевны, которому удалось-таки избавиться от чар, тяготевших над ним.

И вот уж с той поры их счастье было самое полное, и вся жизнь их была, что праздник.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Милый Роланд (Милейший Роланд)

Жила-была на свете женщина – настоящая ведьма, и были у нее две дочери. Одна была безобразна и зла, и ту она любила, потому что это была ее родная дочь. Другая была прекрасна собою и сердцем добра, и ту ведьма ненавидела, потому что та ей приходилась падчерицей.

Однажды падчерица надела фартучек, и он до такой степени понравился ее названной сестре, что та, завидуя, потребовала у матери и себе такого же фартучка.

«Повремени, дитяtko, – сказала ведьма, – будет у тебя такой фартучек. Твою названую сестрицу давно убить следует, и вот сегодня ночью, как только она заснет, я приду к вашей кровати и отрублю ей голову. Позаботься только о том, чтобы лечь в постели у нее за спиной, а ее выдвинь вперед».

Бедняжка и точно должна была бы поплатиться жизнью, если бы она из укромного уголка не подслушала всей беседы матери с дочкой.

За целый день бедная падчерица не посмела даже и шагу ступить за порог дома.

А когда вечером пришло время спать ложиться, бедная девушка должна была первая улечься в постель, чтобы ее злая сестра, как и велела ей мать, могла лечь позади.

Но когда та заснула, падчерица несколько выдвинула ее вперед,

а сама залезла за ее спину, к стенке.

Среди ночи старуха подкралась к постели, держа в правой руке топор, а левой ощупала, лежит ли кто-нибудь, выдвинувшись головой вперед.

И затем, ухватив топор обеими руками, отрубила голову своей родной дочери.

Когда она удалилась, девушка поднялась с постели, пошла к своему милому, которого звали Роландом, и постучалась у его двери.

Когда он к ней вышел, она сказала ему: «Слушай, миленький Роланд, мы должны отсюда бежать как можно скорее: мачеха хотела меня убить, но вместо меня убила свою родную дочь. Когда рассветет и она увидит, что сделано ею, мы погибли!» – «Однако же я тебе советую, – сказал Роланд, – чтобы прежде побега ты взяла у нее из дома ее волшебный жезл, а не то мы не сможем спастись от ее преследований никаким бегством».

Девушка принесла волшебный жезл ведьмы, а затем взяла отрубленную голову сестры и накапала три капли крови: одну перед постелью на полу, одну в кухне и одну на лестнице.

После этого девушка поспешно удалилась вместе со своим возлюбленным Роландом.

Когда же старая ведьма проснулась поутру, она кликнула свою дочку и хотела отдать ей фартучек падчерицы, но та не явилась на зов ее. «Да где же ты?» – крикнула ведьма.

«Здесь я, на лестнице, подметаю!» – отвечала ведьме одна из капелек крови.

Старуха вышла на лестницу, никого там не увидела и еще раз крикнула: «Да где же ты?»

«Да здесь, в кухне, пришла погреться!» – отвечала ей вторая капелька крови.

Ведьма и в кухню пошла, и там ничего не нашла. «Да где же ты?» – закричала она дочке в третий раз.

«Ах, да здесь же я, в постели, сплю», – крикнула ведьме третья капелька крови.

Та пришла в комнату, к постели – и что же там увидела? Свое родное дитя, которое плавало в крови и которому она своими руками отрубила голову.

Ведьма пришла в ярость, бросилась к окну, и так как она обладала способностью очень далеко видеть, то увидела свою падчерицу, которая поспешно удалялась со своим милым Роландом. «Не уйдете вы от меня! – прошипела ведьма. – Как бы далеко вы ни были, и все же не уйдете!»

Она тотчас обула свои сапоги-скороходы, в которых она, что ни шаг, то час пути перемахивала, и немного спустя уже нагнала обоих беглецов.

Но, завидев издали старуху-ведьму, девушка обратила при помощи волшебного жезла своего милого в озеро, а сама обернулась уточкой и стала среди того озера плавать.

Ведьма остановилась на берегу, стала бросать утке крошки хлеба и всеми силами старалась приманить ее к берегу; но утка себя приманить не дала, и старая ведьма должна была вечером вернуться домой, так ничего и не добившись.

А падчерица ее со своим милым снова приняли свой обычный вид и еще целую ночь шли путем-дорогою до рассвета.

А на рассвете падчерица обернулась сама в прекрасный цветок среди терновой изгороди, а своего милого Роланда обернула в музыканта со скрипкой.

Вскоре после того явилась следом за ними и ведьма и сказала музыканту: «Милый музыкант, дозволено ли будет мне сорвать этот цветок?» – «О да, конечно, – отвечал музыкант, – я даже помогу тебе, подыгрывая на моей скрипке»,

И вот, когда она поспешно залезла в изгородь, стараясь поскорее сорвать цветок (она, конечно, знала, кто цветком обернулся), музыкант начал подыгрывать, и ведьма волей-неволей должна была плясать, потому что музыка эта была волшебная.

И чем скорее он наигрывал, тем выше она подпрыгивала, и терновник срывал с нее одежду клочьями и терзал ее тело. Так как музыкант не переставал играть, ведьма плясала до тех пор, пока не пала мертвой на землю.

Когда они таким образом избавились от ведьмы, Роланд сказал: «Я теперь отправлюсь к отцу моему и займусь приготовлениями к свадьбе». – «Ну, так я покамест здесь останусь, – сказала девушка, – и подожду тебя; а для того, чтобы никто меня не узнал, я обернусь красноватым камнем».

Роланд ушел, а девушка, превратившись в красноватый камень, осталась на поле и стала ждать своего милого.

Но когда Роланд вернулся домой, он попался в западню к другой женщине, которая довела его до того, что он забыл свою милую.

Долго ждала его девушка; но когда он совсем не вернулся, она запечалилась и обернулась цветком, подумав: «Авось, кто-нибудь пойдет путем-дорогою и меня растопчет».

Случилось, однако же, что на том поле пастух пас овец, увидел цветок, сорвал его, потому что он уж очень красив ему показался, снес домой и положил к себе в ящик.

С той поры все в доме пастуха стало совершаться каким-то чудом; чуть он поутру вставал, уже вся работа была в доме сделана: комната выметена, стол и лавка чисто протерты, огонь разведен в очаге, и вода в дом наношена.

А в полдень, когда он возвращался домой, у него уже и стол был накрыт, и хорошее кушанье на стол подано. Он даже и понять не мог, как это происходило, потому что он никогда никого не видел в своем домике, да негде было в нем и спрятаться.

Понравился пастуху этот тщательный уход за его домом; но затем он уж стал этих домашних чудес понемногу и побаиваться.

Пошел он к одной ведунье и спросил у ней совета. Ведунья сказала: «Тут колдовство в дело замешано; как-нибудь рано утром приметь, не движется ли что-нибудь в комнате, и если что-нибудь увидишь, что бы там ни было, сейчас набрось белый платок, и действие волшебства сразу прекратится».

Пастух поступил, как ему было сказано, и на другое утро на самом рассвете он увидел, как ящик стола открылся и цветок из него вышел. Подскочил он к цветку и набросил на него белый платок. И тотчас цветок обратился красивой девушкой, и она созналась ему, что была цветком и в виде цветка присматривала за его домашним хозяйством.

Рассказала она ему судьбу свою, и так как она ему понравилась, он спросил у нее, не хочет ли она за него выйти замуж; но она отвечала: «Нет», – так как она хотела все же остаться верна своему милому Роланду, хоть тот и покинул ее. Но она обещала, что не уйдет из его дома и будет продолжать вести его хозяйство.

Тут как раз подошло время свадьбы Роланда, и по старинному обычаю было по всей стране объявлено, чтобы все девушки собирались на свадьбу и славили молодых песнями. Красная девица, как услышала об этом, так запечалилась, что у ней сердце разрывалось на части; она и не хотела идти на эту свадьбу, да другие девушки зашли за нею и увели ее с собою.

Когда же наступала ее очередь петь в честь новобрачных, она все отходила, пока не осталась одна-одинешенька и должна была при них пропеть свою песню.

Но едва только она запела и Роланд слышал ее пение, как вскочил он и воскликнул: «Этот голос знаком мне! Это поет моя настоящая невеста; другой я не желаю!»

Все, что он уже успел позабыть и что давно изгладилось из его памяти, вдруг вновь проснулось в его сердце.

Тогда верная Роланду девушка пошла с ним под венец, и ее страдания окончились, и наступили для нее дни счастья и радости.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Румпельштильцхен (Хламушка - Крошка)

Много-много лет назад жил да был мельник, бедный-пребедный, а дочь у него была красавица. Случилось как-то однажды, что пришлось ему говорить с королем, и вот он, чтобы придать себе побольше весу, сказал ему: «Есть у меня дочка, такая-то искусница, что вот и солому тебе в золото перепрясть сумеет». Король сказал мельнику: «Это искусство недурное, и если твоя дочь точно уж такая искусница, как ты говоришь, то приведи ее завтра ко мне в замок, я ее испытаю».

Когда мельник привел свою дочь, король отвел ее в особую каморку, битком набитую соломой, дал ей самопрялку и мотовило и сказал: «Садись-ка за работу; если ты в течение этой ночи до завтрашнего раннего утра не перепрядешь всю эту солому в золото, то велю тебя казнить».

Затем он своими руками запер каморку, и она осталась там одна. Так и сидела там бедняжка Мельникова дочь и придумать не могла, как ей спастись от лютой смерти. Она и понятия не имела о том, как солому перепрясть в золотые нити, и так пугалась ожидавшей ее участи, что наконец залилась слезами.

Вдруг дверь приотворилась, и к ней в каморку вошел маленький человечек и сказал: «Добрый вечер, Мельникова дочка, о чем ты так плачешь?» – «Ах, ты не знаешь моего горя! – отвечала ему девушка. – Вот всю эту солому я должна перепрясть в золотые нити, а я этого совсем не умею!»

Человечек сказал: «А ты что же мне дашь, если я тебе все это перепряду?» – «Ленточку у меня на шее», – отвечала девушка.

Тот взял у нее ленточку, присел за самопрялку да – шур, шур, шур! – три раза обернет, и шпулька намотана золота. Он вставил другую, опять – шур, шур, шур! – три раза обернет, и вторая готова. И так продолжалась работа до самого утра, и вся солома была перепрядена, и все шпульки намотаны золотом.

При восходе солнца пришел король, и когда увидел столько золота, то и удивился, и обрадовался; но сердце его еще сильнее прежнего жаждало золота и золота. Он велел перевести Мельникову дочку в другой покойник, значительно побольше этого, тоже наполненный соломой, и приказал ей всю эту солому также перепрядь в одну ночь, если ей жизнь дорога.

Девушка не знала, как ей быть, и стала плакать, и вновь открылась дверь, явился тот же маленький человечек и сказал: «А что ты мне дашь, если я и эту солому возьмусь тебе перепрядь в золото?» – «С пальчика колечко», – отвечала девушка. Человечек взял колечко, стал опять поскрипывать колесиком самопрялки и к утру успел перепрядь всю солому в блестящее золото.

Король, увидев это, чрезвычайно обрадовался, но ему все еще не довольно было золота; он велел переместить Мельникову дочку в третий покой, еще больше двух первых, битком набитый соломой, и сказал: «И эту ты должна также перепрядь в одну ночь, и если это тебе удастся, я возьму тебя в, супруги себе». А сам про себя подумал: «Хоть она и Мельникова дочь, а все же я и в целом свете не найду себе жены богаче ее!»

Как только девушка осталась одна в своем покое, человечек и в третий раз к ней явился и сказал: «Что мне дашь, если я тебе и в этот раз перепряду всю солому?» – «У меня нет ничего, что бы я могла тебе дать», – отвечала девушка. «Так обещай же, когда будешь королевой, отдать мне первого твоего ребенка».

«Кто знает еще, как оно будет?» – подумала Мельникова дочка и, не зная, чем помочь себе в беде, пообещала человечку, что она исполнит его желание, а человечек за это еще раз перепряд ей всю солому в золото.

И когда на другое утро король пришел и все нашел в том виде, как он желал, то он с ней обвенчался и красавица Мельникова дочь стала королевой.

Год спустя королева родила очень красивого ребенка и совсем позабыла думать о человечке, помогавшем ей в беде, как вдруг он вступил в ее комнату и сказал: «Ну, теперь отдай же мне обещанное».

Королева перепугалась и предлагала ему все сокровища королевства, если только он оставит ей ребенка; но человечек отвечал: «Нет, мне живое существо милее всех сокровищ в мире».

Тогда королева стала так горько плакать и жаловаться на свою участь, что человечек над нею сжалился: «Я тебе даю три дня срока, – сказал он, – если тебе в течение этого времени удастся узнать мое имя, то ребенок останется при тебе».

Вот и стала королева в течение ночи припоминать все имена, какие ей когда-либо приходилось слышать, и сверх того послала гонца от себя по всей стране и поручила ему всюду справляться, какие еще есть имена.

Когда к ней на другой день пришел человечек, она начала перечислять все известные ей имена, начиная с Каспара, Мельхиора, Бальцера, и перечислила по порядку все, какие знала; но после каждого имени человечек говорил ей: «Нет, меня не так зовут».

На второй день королева приказала разузнавать по соседству, какие еще у людей имена бывают, и стала человечку называть самые необычайные и диковинные имена, говоря: «Может быть, тебя зовут Риннебист или Гаммельсваде, или Шнюрбейн?» – но он на все это отвечал: «Нет, меня так не зовут».

На третий день вернулся гонец и рассказал королеве следующее: «Я не мог отыскать ни одного нового имени, но когда я из-за леса вышел на вершину высокой горы, куда разве только лиса да заяц заглядывают, то я там увидел маленькую хижину, а перед нею разведен был огонек, и около него поскакивал пресмешной человечек, приплясывая на одной ножке и припевая:

Сегодня пеку, завтра пиво варю я,
А затем и дитя королевы беру я;
Хорошо, что не знают – в том я поручусь –
Что Хламушкой я от рожденья зовусь».

Можете себе представить, как была рада королева, когда услышала это имя, и как только вскоре после того человек вошел к ней с вопросом: «Ну, государыня-королева, как же зовут меня»? – королева спросила сначала: «Может быть, тебя зовут Кунц?» – «Нет». – «Или Гейнц?» – «Нет». – «Так, может быть, Хламушка?» – «О! Это сам дьявол тебя надоумил, сам дьявол!» – вскричал человек и со злости так топнул правой ногою в землю, что ушел в нее по пояс, а за левую ногу в ярости ухватился обеими руками и сам себя разорвал пополам.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Ранец, шапочка и рожок (Котомка, шляпёнка и рожок)

Жили да были три брата, которые все более и более беднели и наконец впали в такую нужду, что и голод терпеть пришлось, и на зубок уж положить было нечего.

Вот и стали они говорить: «Так долгие жить нельзя, лучше уж нам пойти по белу свету, поискать своего счастья».

Снарядились они так-то в путь-дорогу и не одну уже сотню верст прошли, не одну тропочку притоптали, а счастья своего все еще не повстречали.

Идучи путем-дорогою, зашли они однажды в дремучий лес и среди этого леса увидели гору, а как поближе подошли к ней – гора-то оказалась из чистого серебра.

Тогда старший из троих братьев сказал: «Вот я и нашел желанное счастье, и никакого иного не желаю». Он набрал серебра, сколько мог снести, затем свернул с дороги и воротился домой.

Остальные братья сказали: «Мы не того себе желаем счастья – нам надо чего-нибудь такого, что бы подороже серебра было». И, не коснувшись серебра, они пошли дальше.

После того, как они еще дня два-три шли путем-дорогою, подошли они к горе, которая вся целиком была из чистого золота.

Второй брат призадумался и был в нерешительности. «Что должен я сделать? – сказал он. – Взять ли мне этого золота столько, чтобы мне на мой век хватило, или мне с братом дальше идти?» Наконец он принял твердое решение, наполнил свои карманы золотом, насколько было возможно, простился с братом и направился домой.

А третий брат сказал: «Серебро и золото меня не привлекают; не хочу отказаться от своего счастья – быть может, мне еще предстоит что-нибудь лучшее в будущем».

И пошел он дальше, и шел целых три дня; тут уж зашел он в лес, который был еще обширнее всех предшествовавших; казалось, ему ни конца, ни края нет! А так как у него ни есть, ни пить было нечего, то он и дошел до полного истощения.

Попробовал он взлезть на высокое дерево, чтобы посмотреть, не увидит ли он оттуда край леса; однако же, насколько мог он объять пространство глазом, вдали ничего не было видно, кроме вершин деревьев.

Стал он слезать с дерева, а голод его так мучил, что он подумал: «Ах, только бы мне еще разок поесть удалось!»

И что же? Чуть спустился, видит с изумлением, что под деревом стоит стол и весь он заставлен кушаньями, от которых так и

несется благоухание. «На этот раз, – сказал он, – мое желание исполнилось вовремя», – и, не справляясь о том, кто принес это кушанье и кто его варил, он прямо подошел к столу и стал есть с наслаждением, пока не удовлетворил своего голода.

Поевши, он подумал: «Было бы очень жалко эту тонкую скатерку бросить здесь в лесу», – чистенько сложил ее уголок с уголком и спрятал в карман.

Затем пошел он далее и вечером, когда опять почувал голод, задумал снова испробовать свою скатерку, разостлал ее и сказал: «Желаю, чтобы на тебе еще раз явились хорошие блюда в изобилии», – и чуть только пожелал, как уж вся скатерть была заставлена блюдами с самыми лучшими кушаньями. «Ну, теперь я вижу, в какой кухне для меня кушанье готовится! Эта скатерка мне милее будет, чем целая гора золота или серебра!»

Он понял, что в руках у него скатерка-самобранка. Но и этой диковинки ему еще было недостаточно, чтобы вернуться домой на покой; он хотел еще побродить по белу свету и еще попытать счастья.

И пошел он дальше по лесу и в одном из его глухих уголков повстречал черномазого угольщика, который обжигал уголь в угольной яме. Тут же стоял у него на огне котелок с картофелем, который он себе готовил на ужин. «Здорово, чумазый! – сказал он угольщику. – Ну, что? Каково поживаешь в своем одиночестве?» – «Изо дня в день – все то же, – отвечал угольщик, – и что ни вечер, то картофель; коли хочешь его отведать, будь моим гостем». – «Спасибо, – отвечал ему путник, – я не хочу у тебя отнимать твоего ужина, тем более, что ты на гостя ведь не рассчитывал; лучше я тебя приглашу с собою поужинать». – «А кто же тебе сготовит ужин? – сказал угольщик. – Я вижу, что у тебя нет с собою никаких запасов, а отсюда на два часа пути не сыщется вокруг никого, кто бы мог тебя хоть чем-нибудь снабдить». – «Ну, а все же я тебя таким кушаньем угощу, какого ты еще никогда не едал».

Тут он вынул свою скатерку-самобранку, разостлал ее на земле и сказал: «Скатерка, накройся!» – и тотчас явилось на скатерке и вареное, и жареное, и все было так горячо, как будто только сейчас из печки.

Угольщик и глаза вытаращил; но, впрочем, не заставил себя долго просить, а подсел к кушанью и давай себе набивать в свой черный рот кусок за куском.

Когда они насытились, угольщик почмокал губами и сказал: «Слышь-ка, твоя скатерка мне по вкусу прилась; она была бы мне очень кстати здесь в лесу, где никто не может мне сварить ничего вкусного. И я бы мог предложить тебе недурной обмен: вон в уголку висит моя котомка, бывший солдатский ранец, поношенный и неказистый на вид; а сила в нем таится немалая... Но так как я в нем больше не нуждаюсь, то я и могу променять его на твою скатерку». – «Сначала я должен узнать, какая же это в нем сила-то», – возразил путник. «Это могу тебе объяснить, – сказал угольщик. – Стоит тебе только по тому ранцу похлопать ладонью, как выскочат из него ефрейтор и шесть человек солдат в полной амуниции и вооружении, и что бы ты ни приказал им, они все исполнят». – «Ну, что же? Я со своей стороны не прочь и поменяться», – и он отдал угольщику свою скатерку, снял ранец с крючка, навесил на себя и распрощался.

Отойдя немного, он захотел испытать чудодейственную силу ранца и похлопал по нему ладонью. Тотчас явилась перед ним команда из шести молодцов и ефрейтора, который спросил его: «Что прикажет отец-командир?» – «Скорым шагом марш к угольщику и потребуйте от него мою скатерку-самобранку». Те сейчас – налево-кругом и очень скоро выполнили приказание: взяли у угольщика скатерку, не спрашиваясь.

Он опять скомандовал им: «В ранец!» – и пошел далее. На закате солнца пришел он к другому угольщику, который суетился около огня, варил себе ужин. «Коли хочешь со мною поесть, – сказал закоптелый парень, – картофеля с солью да без сала, так к нам подсаживайся». – «Нет, – отвечал ему путник, – на этот раз ты будь моим гостем», – да и раскинул свою скатерку, которая тотчас заставилась превкусными кушаньями.

Так они посидели, попили и поели, и были очень довольны друг другом.

После еды угольщик и сказал путнику: «Вон, видишь, лежит потасканная шляпа, и в этой шляпе есть диковинные свойства: если кто ее наденет и повернет на голове задом наперед, разом

грянут пушки, словно бы их двенадцать в ряд стояло, и все разом в пух расшибут, что бы там ни было. У меня эта шляпа висит без всякой пользы, а на твою скатерку я бы охотно променял ее». – «Ну, что ж? Пожалуй!» – сказал путник.

Но пройдя немного, он похлопал по ранцу, и его команда возвратила ему скатерку-самобранку. «Ну, вот! – подумал он про себя. – Счастье мое еще не оскудело».

И он, точно, не ошибся. Пробыв еще день в пути, пришел он к третьему угольщику, который тоже стал угощать его картофелем с солью да без сала. А он угостил его со своей скатерки-самобранки, и это угощение показалось угольщику в такой степени вкусным, что тот в обмен на скатерку предложил ему взять рожок, обладавший совсем особыми свойствами. Стоило только на нем заиграть, и падали разом высокие стены и укрепления, и целые деревни и города обращались в груды развалин.

Он точно так же поменялся с угольщиком скатертью на рожок, но опять ее вернул себе при помощи своей команды, так что наконец оказался одновременно обладателем и ранца, и шляпы, и рожка. «Вот теперь, – сказал он, – теперь я всем обзавелся, и наступило время мне вернуться домой и посмотреть, как мои братцы поживают».

Когда он вернулся на родину, то убедился, что братья на свое серебро и золото построили прекрасный дом и жили в свое удовольствие.

Он вошел в их дом, но так как платье на нем было рваное и поношенное, на голове у него помятая шляпа, а за спиной потертая котомка, то они не хотели его признать за своего брата.

Они осмеяли его и сказали: «Ты только выдаешь себя за нашего брата, который пренебрегал и серебром, и золотом, и все искал для себя лучшего счастья! Тот уж, вероятно, вернется к нам во всем блеске, каким-нибудь королем, что ли, а уж никак не нищим!» – и выгнали за двери.

Тогда он разгневался, стал хлопать по своему ранцу до тех пор, пока полтораста молодцов не вытянулись перед ним во фронт. Он приказал им окружить дом братьев, а двоим из них – наломать

пучок прутьев с орешника и обоих гордецов до тех пор угощать этими прутьями, пока они не признают его за брата.

Поднялся шум, сбежались люди и хотели оказать помощь обоим братьям в их беде, однако же никак не могли с солдатами справиться.

Донесли о случившемся королю, и тот, недовольный нарушением порядка, приказал капитану выступить со своей ротой против возмутителей и выгнать их из города. Но наш молодец выхлопал из котомки команду гораздо многочисленнее роты, побил капитана и заставил его солдат отступить с разбитыми носами. Король сказал: «Этого проходимца следует проучить!» – и выслал против него на другой день еще больше людей, но и те ничего не могли поделать. Наш молодец выставил против него войско сильнее прежнего, да чтобы поскорее расправиться с королевскими солдатами, повернул на голове два раза шляпу: грянули пушки, и королевское войско было побито.

«Ну, теперь уж я до тех пор не помирюсь, – сказал молодец, – пока король не отдаст за меня замуж свою дочку и не передаст мне право на управление всей страной от его имени».

Это было передано королю, и тот сказал дочери: «Плетью обуха не перешибешь! Ничего не остается более мне делать, как исполнить его желание... Коли я хочу жить в мире и притом хочу удержать венец на голове, так я должен тебя ему отдать».

Свадьбу сыграли, но королевна была очень разгневана тем, что ее супруг был человек простой, что он ходил в помятой шляпе и носил за спиною потертую котомку.

Она бы очень охотно от него отделалась, и день и ночь только о том и думала, как бы этого добиться.

Вот и надумала она: «Уж не в этой ли котомке и заключается его чудодейственная сила?»

И прикинулась она ласковой, и когда размягчилось его сердце стала ему говорить: «Если бы ты, по крайней мере, откинул эту противную котомку, которая так ужасно тебя безобразит, что мне за тебя становится совестно». – «Милый друг! – отвечал он. – Да ведь это мое самое дорогое сокровище! Пока эта котомка у меня в руках, мне никто на свете не страшен!»

И открыл ей, какими котомка обладает дивными необыкновенными

свойствами.

Тогда она бросилась к нему на шею, как будто для того, чтобы обнять и расцеловать его, а между тем проворно отвязала у него котомку и пустилась бежать.

Оставшись наедине с этой котомкой, она стала по ней похлопывать и приказала солдатам, чтобы они своего прежнего начальника захватили и вывели бы из королевского дворца.

Они повиновались, и лукавая жена приказала еще большему количеству войска идти за ним следом и совсем прогнать его из той страны. Пришлось бы ему пропадать, кабы не его шляпа! Повернул он ее разок-другой – и загремели пушки, и все сразу сбили и смяли, и королева сама должна была к нему прийти и молить его о пощаде.

Так-то она умильно просила, так горячо обещала ему исправиться, что он сдался на ее уговоры и согласился с ней помириться.

Она стала к нему ласкаться, прикинулась очень любящей его и несколько времени спустя сумела так его одурачить, что он ей проговорился и высказал: «Против меня и с моей котомкой ничего не поделаешь, пока я своей шляпой владею».

Узнав эту тайну, она дала ему заснуть, отняла у него шляпу и приказала выбросить его самого на улицу.

Но она не знала, что у него еще оставался рожок в запасе, и он в гневе стал в него трубить изо всей мочи.

Тотчас рухнуло все кругом: попадали стены и укрепления, города и деревни обратились в груды развалин, и под ними погибли и король, и его дочка.

И если бы он еще потрубил немного и не отложил бы своего рожка в сторону, то все бы было разрушено и во всей стране камня на камне не осталось бы...

Тут уж никто не стал ему больше противиться, и он был признан королем над всей той страной.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Белоснежка (Снегурочка)

Зимним деньком, в то время как снег валил хлопьями, сидела одна королева и шила под окошечком, у которого рама была черного дерева. Шила она и на снег посматривала, и уколола себе иглой палец до крови. И подумала королева про себя: «Ах, если бы у меня родился ребеночек белый, как снег, румяный, как кровь, и чернявый, как черное дерево!»

И вскоре желание ее точно исполнилось: родилась у ней доченька – белая, как снег, румяная, как кровь, и черноволосая; и была за свою белизну названа Снегурочкой.

И чуть только родилась доченька, королева-мать и умерла. Год спустя король женился на другой. Эта вторая жена его была красавица, но и горда, и высокомерна, и никак не могла потерпеть, чтобы кто-нибудь мог с нею сравняться в красоте. Притом у нее было такое волшебное зеркальце, перед которым она любила становиться, любовалась собой и говаривала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Тогда и отвечало ей зеркальце:

Ты, королева, всех здесь милей.

И она отходила от зеркальца довольная-предовольная и знала, что зеркальце ей неправды не скажет.

Снегурочка же между тем подрастала и хорошела, и уже по восьмому году она была прекрасна, как ясный день. И когда королева однажды спросила у зеркальца:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

– зеркальце отвечало ей:

Ты, королева, красива собой;
А все же Снегурочка выше красой.

Ужаснулась королева, пожелтела, позеленела от зависти. С того часа, как, бывало, увидит Снегурочку, так у ней сердце от злобы на части разорваться готово. И зависть с гордостью, словно сорные травы, так и стали возрастать в ее сердце, и разрастаться все шире и шире, так что наконец ни днем, ни ночью не стало ей покоя.

И вот позвала она однажды своего псаря и сказала: «Выведи эту девчонку в лес, чтобы она мне более на глаза не попадалась. Убей ее и в доказательство того, что мое приказание исполнено, принеси мне ее легкое и печень».

Псарь повиновался, вывел девочку из дворца в лес, и как вынул свой охотничий нож, чтобы пронзить невинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить: «Добрый человек, не убивай меня; я убегу в дремучий лес и никогда уже не вернусь домой».

Пожалел псарь хорошенькую девочку и сказал: «Ну и ступай. Бог с тобой, бедная девочка!» А сам подумал: «Скорехонько растерзают тебя в лесу дикие звери», – и все же у него словно камень с сердца свалился, когда он пощадил ребенка.

Как раз в это время молодой оленчик выскочил из кустов; псарь приколол его, вынул из него легкое с печенью и принес их королеве в доказательство того, что ее приказание исполнено.

Повару приказано было их присолить и сварить, и злая баба

съела их, воображая, что ест легкое и печень Снегурочки.

И вот очутилась бедняжка в дремучем лесу одна-одинешенька, и стало ей так страшно, что она каждый листочек на деревьях осматривала, и не знала, что ей делать и как ей быть.

И пустилась бежать, и бежала по острым камням и по колючим кустарникам, и дикие звери сновали мимо нее взад и вперед, но ей не причиняли никакого вреда.

Бежала она, пока несли ее резвые ноженьки, почти до вечера; когда же утомилась, то увидела маленькую хижинку и вошла в нее.

В этой хижинке все было маленькое, но такое чистенькое и красивенькое, что и сказать нельзя. Посреди хижины стоял столик с семью маленькими тарелочками, и на каждой тарелочке по ложечке, а затем семь ножичков и вилок, и при каждом приборе по чарочке. Около стола стояли рядом семь кроваток, прикрытых белоснежным постельным бельем.

Снегурочка, которой очень и есть, и пить хотелось, отведала с каждой тарелочки овощей и хлеба и из каждой чарочки выпила по капельке вина, потому что она не хотела все отнять у одного. Затем, утомленная ходьбой, она пыталась прилечь на одну из кроваток; но ни одна не пришлась ей в меру; одна была слишком длинна, другая – слишком коротка, и только седьмая пришлась ей как раз впору. В ней она и улеглась, перекрестилась и заснула. Когда совсем стемнело, пришли в хижину ее хозяева – семеро гномов, которые в горах рылись, добывая руду. Засветили они свои семь свечей, и когда в хижинке стало светло, они увидели, что кто-то у них побывал, потому что не все было в том порядке, в каком они все в своем жилье оставили.

Первый сказал: «Кто сидел на моем стульце?» Второй: «Кто поел да моей тарелочки?» Третий: «Кто от моего хлебца отломил кусочек?» Четвертый: «Кто моего кушанья отведал?» Пятый: «Кто моей вилочкой поел?» Шестой: «Кто моим ножичком порезал?» Седьмой: «Кто из моей чарочки отпил?»

Тут первый обернулся и увидел, что на его постели была маленькая складочка; он тотчас сказал: «Кто к моей постели прикасался?» Сбежались к кроваткам и все остальные и закричали: «И в моей, и в моей тоже кто-то полежал!»

А седьмой, заглянув в свою постель, увидел лежавшую в ней спящую Снегурочку. Позвал он и остальных, и те сбежались и стали восклицать от изумления, и принесли к кроватке свои семь свечей, чтобы осветить Снегурочку. «Ах, Боже мой! – воскликнули они. – Как эта малютка красива!» – и так все были обрадованы ее приходом, что не решились и разбудить ее, и оставили ее в покое на той постельке.

А седьмой гномик решил провести ночь так: в кроватке каждого из своих товарищей он должен был проспать по одному часу.

С наступлением утра проснулась Снегурочка и, увидев семерых гномиков, перепугалась. Они же отнеслись к ней очень ласково и спросили ее: «Как тебя звать?» – «Меня зовут Снегурочкой», – отвечала она. «Как ты попала в наш дом?» – спросили ее гномики.

Тогда она им рассказала, что мачеха приказала было ее убить, а псареь ее пощадил – и вот она бежала целый день, пока не наткнулась на их хижинку.

Гномики сказали ей: «Не хочешь ли ты присматривать за нашим домашним обиходом – стряпать, стирать на нас, постели постилать, шить и вязать? И если ты все это будешь умело и опрятно делать, то можешь у нас остаться надолго и ни в чем не будешь терпеть недостатка». – «Извольте, – отвечала Снегурочка, – с большим удовольствием», – и осталась у них.

Дом гномов она содержала в большом порядке; поутру они обыкновенно уходили в горы на поиски меди и золота, вечером возвращались в свою хижинку, и тогда для них всегда была готова еда.

Весь день Снегурочка оставалась одна-одинешенька в доме, а потому добрые гномики предостерегали ее и говорили: «Берегись своей мачехи! Она скоро прознает, где ты находишься, так не впускай же никого в дом, кроме нас».

А королева-мачеха после того, как она съела легкое и печень Снегурочки, предположила, что она и есть теперь первая красавица во всей стране, и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Тогда зеркальце ей отвечало:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Снегурочка, что за горой
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Королева испугалась; она знала, что зеркальце никогда не лгало, и поняла, что псарь ее обманул и что Снегурочка жива. И стала она думать о том, как бы ей извести падчерицу, потому что зависть не давала ей покою и ей непременно хотелось быть первой красавицей во всей стране.

Когда же она наконец нечто придумала, она подкрасила себе лицо, переделалась старой торговкой и стала совершенно неузнаваемой.

В этом виде направилась она в путь-дорогу за семь гор к хижине семи гномов, постучалась в их дверь и крикнула: «Товары разные, дешевые, продажные!»

Снегурочка глянула из окошечка и крикнула торговке:

«Здравствуй, тетушка, что продаешь?» – «Хороший товар, первейшего сорта, – отвечала торговка, – шнурки, тесемки разноцветные», – и вытащила на показ один шнурок, сплетенный из пестрого шелка. «Ну, эту-то торговку я, конечно, могу впустить сюда», – подумала Снегурочка, отомкнула дверь и купила себе красивый шнурок. «Э-э, дитяtko, – сказала Снегурочке старуха, – на кого ты похожа! Пойди-ка сюда, дай себя зашнуровать как следует!»

Снегурочка и не предположила ничего дурного, обернулась к старухе спиной и дала ей зашнуровать себя новым шнурком: та зашнуровала быстро да так крепко, что у Снегурочки разом захватило дыхание и она замертво пала наземь. «Ну, теперь уж не бывать тебе больше первой красавицей!» – сказала злая мачеха и удалилась поспешно.

Вскоре после того в вечернюю пору семеро гномов вернулись домой и как же перепугались, когда увидели Снегурочку, распростертую на земле; притом она и не двигалась, и не шевелилась, была словно мертвая.

Они ее подняли и, увидев, что она обмерла от слишком тесной шнуровки, тотчас разрезали шнурок, и она стала опять дышать, сначала понемногу, затем и совсем ожила.

Когда гномы от нее услышали о том, что с нею случилось, они сказали: «Эта старая торговка была твоя мачеха, безбожная королева; остерегайся и никого не впускай в дом в наше отсутствие».

А злая баба, вернувшись домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

И зеркальце ей по-прежнему отвечало:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Снегурочка, что за горой
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Услышав это, злая мачеха так перепугалась, что вся кровь у нее прилила к сердцу: она поняла, что Снегурочка опять ожила.

«Ну, уж теперь-то, – сказала она, – я что-нибудь такое придумаю, что тебя сразу прикончит!» – и при помощи различных чар, в которых она была искусна, она сделала ядовитый гребень. Затем переделалась и приняла на себя образ другой старухи.

Пошла она за семь гор к дому семи гномов, постучалась в их дверь и стала кричать: «Товары, товары продажные!»

Снегурочка выглянула из окошечка и сказала: «Проходите, я никого в дом впускать не смею». – «Ну, а посмотреть-то на товар, верно, тебе не запрещено», – сказала старуха, вытащила ядовитый гребень и показала его Снегурочке. Гребень до такой степени приглянулся девочке, что она дала себя оморочить и отворила дверь торговке.

Когда они сошлись в цене, старуха сказала: «Дай же я тебя причешу как следует». Бедной Снегурочке ничто дурное и в голову не пришло, и она дала старухе полную волю причесывать ее как угодно; но едва только та запустила ей гребень в волосы, как его ядовитые свойства подействовали, и Снегурочка

лишилась сознания. «Ну-ка, ты, совершенство красоты! – проговорила злая баба. – Теперь с тобою покончено», – и пошла прочь.

К счастью, это происходило под вечер, около того времени, когда гномы домой возвращались.

Когда они увидели, что Снегурочка лежит замертво на земле, они тотчас заподозрили мачеху, стали доискиваться и нашли в волосах девушки ядовитый гребень, и едва только его вынули. Снегурочка пришла в себя и рассказала все, что с ней случилось. Тогда они еще раз предостерегли ее, чтобы она была осторожнее и никому не отворяла дверь.

А между тем королева, вернувшись домой, стала перед зеркальцем и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

И зеркальце отвечало ей, как прежде:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Снегурочка, что за горой
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Когда королева это услышала, то задрожала от бешенства. «Снегурочка должна умереть! – воскликнула она. – Если бы даже и мне с ней умереть пришлось!»

Затем она удалилась в потайную каморочку, в которую никто, кроме нее не входил, и там изготовила ядовитое-преядовитое яблоко. С виду яблоко было чудесное, наливное, с румяными бочками, так что каждый, взглянув на него, хотел его отведать, а только откуси кусочек – и умрешь.

Когда яблоко было изготовлено, королева размалевала себе лицо, переделалась крестьянкою и пошла за семь гор к семи гномам.

Постучалась она у их дома, а Снегурочка и выставила головку в окошечко, и сказала: «Не смею я никого сюда впустить, семь гномиков мне это запретили». – «А мне что до этого? – отвечала крестьянка. – Куда же я денусь со своими яблоками? На вот

одно, пожалуй, я тебе подарю». – «Нет, – отвечала Снегурочка, – не смею я ничего принять». – «Да уж не отравы ли боишься? – спросила крестьянка. – Так вот, посмотри, я разрежу яблоко надвое: румяную половинку ты скушай, а другую я сама съем». А яблоко-то у ней было так искусно приготовлено, что только румяная половина его и была отравлена.

Снегурочке очень хотелось отведать этого чудного яблока, и когда она увидела, что крестьянка ест свою половину, она уж не могла воздержаться от этого желания, протянула руку из окна и взяла отравленную половинку яблока.

Но чуть только она откусила кусочек его, как упала замертво на пол. Тут королева-мачеха посмотрела на нее ехидными глазами, громко рассмеялась и сказала: «Вот тебе и бела, как снег, и румяна, как кровь, и чернява, как черное дерево! Ну, уж на этот раз тебя гномы оживить не смогут!»

И когда она, придя домой, стала перед зеркальцем и спросила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей? –

Зеркальце наконец ей ответило:

Ты, королева, здесь всех милей.

Тут только и успокоилось ее завистливое сердце, насколько вообще завистливое сердце может успокоиться.

Гномы же, вечером вернувшись домой, нашли Снегурочку распростертой на полу, бездыханной, помертвевшей. Они ее подняли, стали искать причину ее смерти – искали отраву, расшнуровали ей платье, расчесали ей волосы, обмыли ее водою с вином; однако ничто не могло помочь ей. Снегурочка была мертва и оставалась мертвою.

Они положили ее в гроб и, сев все семеро вокруг ее тела, стали оплакивать и оплакивали ровно три дня подряд.

Уж они собирались и похоронить ее, но она на вид казалась свежою, была словно живая, даже и щеки ее горели прежним чудесным румянцем. Гномы сказали: «Нет, мы не можем ее опустить в темные недра земли», – и заказали для нее другой,

прозрачный хрустальный гроб, положили в него Снегурочку, так что ее со всех сторон можно было видеть, а на крышке написали золотыми буквами ее имя и то, что она была королевская дочь.

Затем они внесли гроб на вершину горы, и один из гномов постоянно оставался при нем на страже. И даже звери, даже птицы, приближаясь к гробу, оплакивали Снегурочку: сначала прилетела сова, затем ворон и наконец голубочек.

И долго, долго лежала Снегурочка в гробу и не изменялась, и казалась как бы спящею, и была по-прежнему бела, как снег, румяна, как кровь, чернява, как черное дерево.

Случилось как-то, что в тот лес заехал королевич и подъехал к дому гномов, намереваясь в нем переночевать. Он увидел гроб на горе и красавицу Снегурочку в гробу и прочел то, что было написано на крышке гроба золотыми буквами.

Тогда и сказал он гномам: «Отдайте мне гроб, я вам за него дам все, чего вы пожелаете».

Но карлики отвечали: «Мы не отдадим его за все золото в мире». Но королевич не отступал: «Так подарите же мне его, я насмотреться не могу на Снегурочку: кажется, и жизнь мне без нее не мила будет! Подарите – и буду ее почитать и ценить как милую подругу!»

Сжалились добрые гномы, услышав такую горячую речь из уст королевича, и отдали ему гроб Снегурочки.

Королевич приказал своим слугам нести гроб на плечах. Понесли они его да споткнулись о какую-то веточку, и от этого сотрясения выскочил из горла Снегурочки тот кусок отравленного яблока, который она откусила.

Как выскочил кусок яблока, так она открыла глаза, приподняла крышку гроба и сама поднялась в нем жива-живехонька.

«Боже мой! Где же это я?» – воскликнула она. Королевич сказал радостно: «Ты у меня, у меня! – рассказал ей все случившееся и добавил: – Ты мне милее всех на свете; поедem со мною в замок отца – и будь мне супругою».

Снегурочка согласилась и поехала с ним, и их свадьба была сыграна с большим блеском и великолепиem.

На это празднество была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Как только она принарядилась на свадьбу, так стала перед

зеркальцем и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Но зеркальце отвечало:

Ты, королева, красива собой,
А все ж новобрачная выше красой.

Злая баба, услышав это, произнесла страшное проклятие, а потом вдруг ей стало так страшно, так страшно, что она с собою и совладать не могла.

Сначала она и вовсе не хотела ехать на свадьбу, однако же не могла успокоиться и поехала, чтобы повидать молодую королеву. Едва переступив порог свадебного чертога, она узнала в королеве Снегурочку и от ужаса с места двинуться не могла.

Но для нее уже давно были приготовлены железные башмаки и поставлены на горящие уголья... Их взяли клещами, притащили в комнату и поставили перед злой мачехой. Затем ее заставили вставить ноги в эти раскаленные башмаки и до тех пор плясать в них, пока она не грохнулась наземь мертвая.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Король Дроздобород (Король Дроздовик)

У одного короля была дочка не в меру красивая, да не в меру же и гордая, и заносчивая, так что ей никакой жених был не по плечу. Она отказывала одному жениху за другим, да еще и осмеивала каждого.

Вот и устроил однажды король, ее отец, большой праздник и позвал на праздник и из ближних, и из дальних стран всех тех, кому припала охота жениться. Все приезжие были поставлены в ряд по своему достоинству и положению: сначала шли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны, а затем уже и простые дворяне.

Король и повел королевну по рядам женихов, но никто ей не пришелся по сердцу, и о каждом она нашла что заметить.

Один, по ее мнению, был слишком толст, и она говорила: «Он точно винная бочка!»

Другой слишком долговяз: «Долог да тонок, что лен на лугу».

Третий слишком мал ростом: «Короток да толст, что овечий хвост».

Четвертый слишком бледен: «Словно смерть ходячая!»

А пятый слишком красен: «Что свекла огородная!»

Шестой же недостаточно прям: «Словно дерево покоробленное!»

И так в каждом она нашла, что высмеять, а в особенности она насмеялась над одним добряком-королем, который стоял в, ряду женихов одним из первых. У этого короля подбородок был несколько срезан; вот она это заметила, стала над ним смеяться и сказала: «У него подбородок, словно клюв у дрозда!» Так и

стали его с той поры величать Король Дроздобород.

А старый король, увидев, что дочка его только и делает, что высмеивает добрых людей и отвергает всех собравшихся на празднество женихов, разгневался на нее и поклялся, что выдаст ее замуж за первого бедняка, который явится к его порогу.

Два дня спустя какой-то бродячий певец стал петь под его окном, желая этим заслужить милостыню. Чуть король услышал его песню, так и приказал позвать певца в свои королевские покои. Тот вошел к королю в своих грязных лохмотьях, стал петь перед королем и королевой и, пропев свою песню, стал кланяться и просить милостыни.

Король сказал: «Твоя песня так мне пришлась по сердцу, что я хочу отдать тебе мою дочь в замужество».

Королева перепугалась; но король сказал ей твердо: «Я поклялся, что отдам тебя замуж за первого встречного нищего, и сдержу свою клятву!»

Никакие увертки не помогли, король послал за священником, и королева была немедленно обвенчана с нищим.

Когда же это совершилось, король сказал дочке: «Теперь тебе, как нищей, не пристало долее жить здесь, в моем королевском замке, ступай по миру со своим мужем!»

Бедняк-певец вывел ее за руку из замка, и она должна была вместе с ним бродить по миру пешком.

Вот путем-дорогою пришли они к большому лесу, и королева спросила:

– Ах, чей это темный чудный лес?

– Дроздобород владеет тем краем лесным;

Будь ты ему женой, он был бы твоим.

– Ах я, бедняжка, не знала. Зачем я ему отказала!

Потом пришлось им идти по лугу, и королева опять спросила:

– Ах, чей это славный зеленый луг?

– Дроздобород владеет тем лугом большим; Будь ты ему женой, он был бы твоим.

– Ах я, бедняжка, не знала. Зачем я ему отказала!

Потом прошли они через большой город, и она вновь спросила:

– Чей это город, прекрасный, большой?

– Дроздобород владеет всей той стороной. Будь ты ему женой,

он был бы твой!

– Ах я, бедняжка, не знала. Зачем я ему отказала!

«Ну, послушай-ка! – сказал певец. – Мне совсем не нравится, что ты постоянно сожалеешь о своем отказе и желаешь себе другого мужа. Или я тебе не по нраву пришелся?»

Вот наконец пришли они к маленькой-премаленькой избушечке, и королева воскликнула:

Ах, Господи, чей тут домишко такой,
Ничтожный и тесный, и с виду дрянной?

Певец отвечал ей: «Это твой и мой дом, и в нем мы с тобою будем жить». Она должна была согнуться, чтобы войти в низенькую дверь. «А где же слуги?» – спросила королева. «Слуги? Это зачем? – отвечал певец. – Ты сама должна все для себя делать. Разведи-ка сейчас же огонь да свари мне чего-нибудь поесть, я очень устал».

Но королева, как оказалось, ничего не смыслила в хозяйстве: не умела ни огня развести, ни сварить что бы то ни было; муж ее сам должен был приняться за дело, чтобы хоть какого-нибудь толку добиться.

Разделив свою скромную трапезу, они легли спать; но на другое утро муж уже ранешенько поднял жену с постели, чтобы она могла все прибрать в доме.

Денек-другой жили они таким образом, перебиваясь кое-как, и затем все запасы их пришли к концу. Тогда муж сказал королеве: «Жена! Этак дело идти не может, чтобы мы тут сидели сложа руки и ничего не зарабатывали. Ты должна приняться за плетение корзинок».

Он пошел, нарезал ивовых ветвей и притащил их домой целую охапку. Начала она плести, но крепкий ивняк переколол нежные руки королевы. «Ну, я вижу что это дело у тебя нейдет на лад, – сказал муж, – и лучше уж ты примись за пряжу; может быть, прясть ты можешь лучше, чем плести...»

Она принялась тотчас за пряжу, но жесткая нитка стала въедаться в ее мягкие пальчики, так что они все окровавились... «Вот, изволишь ли видеть, – сказал ей муж, – ведь ты ни на какую работу не годна, ты для меня не находка! Ну, да еще попробуем – станем торговать горшками и глиняной посудой: ты

должна будешь выйти на базар и приняться за торговлю этим товаром». – «Ах, Боже мой! – подумала она. – Что, если на базар явятся люди из королевства моего отца да увидят меня, что я там сижу с товаром и торгую? То-то они надо мною посмеются!»

Но делать было нечего; она должна была с этим примириться из-за куска хлеба.

При первом появлении королевы на базаре все хорошо сошло у нее с рук: все покупали у ней товар очень охотно, потому что она сама была так красива... И цену ей давали, какую она запрашивала; а многие даже давали ей деньги и горшков у нее не брали вовсе.

После того пожили они сколько-то времени на свои барыши; а когда все проели, муж опять закупил большой запас товара и послал жену на базар. Вот она и уселась со своим товаром на одном из углов базара, расставила товар кругом себя и стала продавать.

Как на грех, из-за угла вывернулся какой-то пьяный гусар на коне, въехал в самую середину ее горшков и перебил их все вдребезги. Королевна стала плакать и со страха не знала даже, что делать. «Что со мной будет! – воскликнула она. – Что мне от мужа за это достанется?»

Она побежала к мужу и рассказала ему о своем горе. «А кто тебе велел садиться на углу с твоим хрупким товаром? Нечего реветь-то! Вижу и так, что ты ни к какой порядочной работе не годишься! Так вот: был я в замке у нашего короля на кухне и спрашивал, не нужна ли им судомойка. Ну, и обещали мне, что возьмут тебя на эту должность; по крайней мере, хоть кормить-то тебя будут даром».

И пришлось королевне в судомойках быть, и повару прислуживать, и справлять самую черную работу. В обоих боковых своих карманах она подвязала по горшочку и в них приносила домой то, что от стола королевского оставалось, – и этим питались они вместе с мужем.

Случилось однажды, что в замке наверху назначено было праздновать свадьбу старшего королевича; и вот бедная королевна тоже поднялась наверх и вместе с прочей челядью

стала в дверях зала, чтобы посмотреть на свадьбу.

Зажжены были свечи, стали съезжаться гости, один красивее другого, один другого богаче и великолепнее по наряду, и бедная королева, с грустью подумав о своей судьбе, стала проклинать свою гордость и высокомерие, благодаря которым она попала в такое тяжкое унижение и нищету.

Слуги, проходя мимо нее, бросали ей время от времени крошки и остатки тех вкусных блюд, от которых до нее доносился запах, и она тщательно припрятывала все это в свои горшочки и собиралась нести домой.

Вдруг из дверей зала вышел королевич, наряженный в бархат и атлас, с золотыми цепями на шее. И когда он увидел, что красавица королева стоит в дверях, он схватил ее за руку и захотел с нею танцевать; но та упиралась и перепугалась чрезвычайно, узнав в нем Короля Дроздоборода, который за нее сватался и был ею осмеян и отвергнут. Однако же ее нежелание не привело ни к чему: он насильно вытащил ее в залу...

И вдруг лопнул у нее на поясе тот шнур, на котором были подвязаны к карманам ее горшочки для кушанья, и горшочки эти вывалились, и суп разлился по полу, и объедки кушаний рассыпались повсюду.

Когда все гости это увидели, то вся зала огласилась смехом; отовсюду слышались насмешки, и несчастная королева была до такой степени пристыжена, что готова была сквозь землю провалиться.

Она бросилась к дверям, собираясь бежать, но и на лестнице ее кто-то изловил и вновь привлек в залу; а когда она оглянулась, то увидела перед собою опять-таки Короля Дроздоборода.

Он сказав ей ласково: «Не пугайся! Я и тот певец, который жил с тобою в жалком домишке, — одно и то же лицо: из любви к тебе я надел на себя эту личину. Я же и на базар выезжал в виде пьяного гусара, который тебе перебил все горшки. Все это было сделано для того, чтобы смирить твою гордость и наказать твое высокомерие, которое тебя побудило осмеять меня».

Тут королева горько заплакала и сказала: «Я была к тебе очень несправедлива и потому недостойна быть твоей женой». Но он отвечал ей: «Утешься, миновало для тебя безвременье, и мы с

тобою теперь отпразднуем свою свадьбу».

Подошли к ней придворные дамы, нарядили ее в богатейшие наряды, и отец ее явился тут же, и весь двор; все желали ей счастья в брачном союзе с Королем Дроздобородом. Пошло уж тут настоящее веселье: стали все и петь, и плясать, и за здоровье молодых пить!..

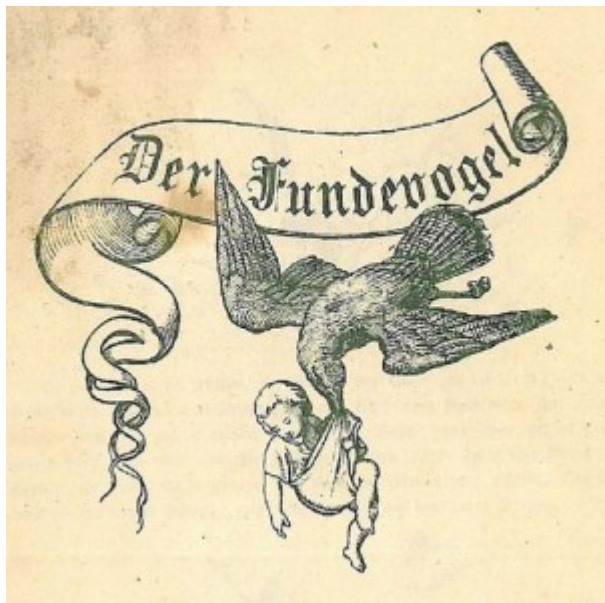
А что, друг, недурно бы и нам с тобою там быть?

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Найдёнышек (Птичий найдёныш)

Некогда жил да был лесник. Пошел он однажды на охоту, и когда пришел в лес, то услышал, что кто-то кричит – ни дать ни взять, как маленький ребенок. Он пошел на крик и, наконец, набрел на большое дерево, на котором действительно был посажен маленький ребенок.

Должно быть, под тем деревом мать заснула, держа ребенка на

руках, а какая-нибудь хищная птица подхватила ребенка у ней из рук и взнесла на вершину дерева.

Лесник полез на дерево, достал ребенка и подумал: «Возьму-ка я его к себе домой и стану его воспитывать с моей дочкой Ленхен». И принес его домой, и оба ребенка стали расти вместе. Но тот, который был найден на дереве и занесен был на дерево птицею, получил имя Найденышек. Этот Найденышек и Ленхен так полюбили друг друга, так полюбили, что когда, бывало, не повидают друг друга, так и загрустят.

У лесника же была еще старая кухарка; однажды вечером взяла она ведра и начала в них таскать воду домой, да не один раз, а много раз сбегала к колодцу.

Ленхен это заметила и спросила: «Слушай-ка, тетка Санна, зачем же ты так много воды наносишь?» – «Коли ты никому не скажешь, так я тебе скажу зачем». Ленхен отвечала, что не скажет, и та ей шепнула: «Завтра раненько, когда лесник будет на охоте, я вскипачу воду, и когда она ключом будет кипеть в котле, я туда брошу Найденышка и стану его в котле варить».

На другое утро ранешенько поднялся лесник и ушел на охоту, и когда ушел, дети еще лежали в постели.

Тогда Ленхен сказала Найденышку: «Готов ли ты быть всегда со мною?» Найденышек отвечал: «Отныне и навсегда». – «Так вот что я тебе скажу: старая Санна натаскала вчера много ведер воды в дом, я и спросила ее – зачем? А она мне ответила, что если я никому не скажу, то она мне скажет зачем. И сказала: завтра утром, когда отец уйдет на охоту, она вскипятит воду в котле, бросит тебя в котел и станет варить. Так встанем мы с тобой поскорее, оденемся да и уйдем из дома вместе».

И вот оба ребенка поднялись вместе, быстро оделись и вышли из дома.

Когда же вода закипела в котле, кухарка пошла в спальню детей, собираясь взять Найденышка и швырнуть его в котел. Но войдя туда и заглянув в постельки, она убедилась, что дети успели уйти из дома. Вот она и перепугалась и сказала себе: «Что я теперь скажу, когда лесник домой придет и увидит, что дети ушли из дома? Поскорее за ними следом, чтобы вернуть их домой».

И выслала кухарка вслед за детьми трех слуг, которые должны были бежать и изловить детей.

А дети-то тем временем сидели на опушке леса, и когда увидели издали бегущих к ним трех слуг, Ленхен сказала Найденышку: «Готов ли ты быть всегда со мною?» И Найденышек отвечал ей: «Отныне и навсегда». – «Ну, так вот что я придумала, – сказала Ленхен, – будь ты розовым кустом, а я на нем цветочком-розанчиком».

Когда подбежали слуги к лесу, там на опушке ничего не было, кроме розового кустика с одним розанчиком на вершинке, а детей и в помине там не было.

И сказали они: «Ну, тут нам и взять нечего», – и пошли обратно, и сказали кухарке, что на опушке леса они ничего не нашли, кроме розового кустика с розанчиком на вершине.

И стала их ругать кухарка-старуха: «Ах, простофили! Вам бы куст-то пополам разрезать, да розочку-то с него сорвать – и все домой принести! Сейчас ступайте, да так и сделайте».

Пошли они опять из дому детей искать. Но дети завидели их издали, и Ленхен сказала: «Найденышек, готов ли ты быть всегда со мною?» И тот отвечал: «Отныне и навсегда». – «Ну, так ты обратись в кирху, а я в той кирхе венцом буду».

Когда пришли трое слуг на опушку леса, там уж ничего не было, кроме кирхи и венца в той кирхе. «Ну, нам тут и делать нечего, – сказали они, – пойдём домой».

Пришли они домой, и кухарка их стала спрашивать, не нашли ли они чего-нибудь, и они отвечали: «Ничего не нашли, только кирху, а в кирхе венец». – «Ах вы, дурачье! – стала их ругать кухарка. – Да зачем же вы кирху не сломали, а венца из нее домой не принесли?»

Тут уж и сама старуха поднялась на ноги и пустилась с троими слугами на поиски детей.

Однако же дети еще издали увидели троих слуг и старуху-кухарку, которая позади них ковыляла. И Ленхен сказала опять: «Найденышек, готов ли ты быть всегда со мною?» И тот отвечал ей: «Отныне и навсегда». – «Ну, так ты обратись в прудок, – сказала Ленхен, – а я по этому прудку уточкой стану плавать».

Тем временем подошла кухарка, увидела прудок, тотчас прикинула

к нему и хотела его разом весь выпить. Но уточка быстро подплыла к ней, ухватила ее своим широким клювом за голову и стянула ее в воду: там и должна была старая ведьма потонуть. А дети пошли вместе домой и были радешеньки; стали там жить да поживать, и если только не померли, так и теперь живехоньки.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...